4(32)

2025

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORG
PSY

ISSN 2619-0273

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

электронное периодическое издание

№ 4(32)

Москва, 2025

УДК 81’23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619–0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 4(32). – Электрон, текстовые дан. (5,0 MB). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области языкознания и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области лингвистики, психолингвистики, психологии и когнитологии, научных работников, преподавателей, докторантов и аспирантов, а также всех, кто интересуется междисциплинарными аспектами языка и речи.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R). Архив номеров доступен http://www. psycholinguistic.ru

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02–69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
http://www.psycholinguistic.ru

Минимальные системные требования: Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 5 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

© Агентство социально-гуманитарных технологий, 2025
© Авторы, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Московского института психоанализа (Россия)

Радченко Олег Анатольевич, профессор, доктор филологических наук, Заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, профессор, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доцент, доктор психологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Саргсян Левон Кароевич, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета социальных коммуникаций и сервиса Государственного университета имени В.Я. Брюсова, судебно-психологический эксперт (Армения)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологии (PhD), заместитель директора Центра российских исследований Шанхайского университета иностранных языков, главный научный сотрудник, доцент Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Дугарова Т.Ц., Дугаров Т.-Ж.Ц., Бадиев И.В. Конструирование этнопсихолингвистической идентичности на основе данных информационно-аналитической системы для проведения ассоциативных экспериментов …….. 11

Желтухина М.Р. Манипулятивное воздействие темы электронного письма в американской политической e-mail-рассылке ……..…. 31

ХРОНИКА, ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Гуня Ф.А. Бильдлингвистический подход к анализу креолизованного (поликодового) текста ……. 44

Карасик В.И. Деструктивная политкорректность как коммуникативное явление: обзор основных положений…….. 67

Романов А.А. Симулякр, фейк или подобие: от речевых действий до вербальных практик бенефициарной дискурсии…… 89

ОБ АВТОРАХ ……..... 112

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ …….....….. 113

CONTENTS

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Dugarova T.Ts., Dugarov T.Ts., Badiev I.V. Constructing ethnopsycholinguistic identity based on data from an information analytical system for conducting associative experiments…….. 11

Zheltukhina M.R., Sporova I.P. Manipulative influence of the email subject lines in the american political direct email……..…….. 31

CHRONICLES, REVIEWS AND CRITIQUES

Gunya P.A. Bildlinguistic approach to the analysis of creolized (polycode) texts …….. 44

Karasik V.I. Destructive political correctness as a communicative phenomenon: summary of main provisions…… 67

Romanov A.A. Simulacrum, fake, or similitude: from speech acts to verbal practices of beneficiary discourse…….. 89

ABOUT AUTHORS ……..... 112

INFORMATION FOR AUTHORS …….. 113

УДК 159.9.078

Дугарова Т.Ц.
Российская академия образования
119121, Погодинская, 8
Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет
119435, Малая Пироговская, дом 1, строение 1
Москва, Россия
raodugarova@yandex.ru

Дугаров Т-Ж.Ц.
Московский политехнический университет
Москва, Россия
dugarova@raop.ru

Бадиев И.В.
Бурятский государственный университет
670000, Смолина, 24А
Улан-Удэ, Россия
bad.igor@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Аннотация. Этнопсихолингвистическая идентичность представляет собой динамический конструируемый феномен, отражающий осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, которое опосредовано ценностным отношением к окружающим реалиям (предметный мир, природный мир, образно-знаковое пространство, социально-нормативное пространство), закодированным в языке. Изучение этнопсихолингвистической идентичности требует подходов актуализации инструментов обработки больших массивов данных, отражающих глубинные слои сознания носителей языка. Авторами использована билингвальная информационно-аналитическая система выявления совокупности культурноспецифических знаний через вербальные репрезентации – ассоциативные цепочки, отражающие процесс конструирования нарративов идентичности. В статье предложен алгоритм конструирования этнопсихолингвистической идентичности на основе данных информационно-аналитической системы; выделены структурно-содержательные компоненты этнопсихолингвистической идентичности (языковой, интеллектуально-творческий, личностный). Результаты исследования дают представление о специфике этнического

самосознания испытуемых, позволяя проследить динамику и напряжённость развития идентичности молодежи между «миром традиций и миром инноваций».

Ключевые слова: этнопсихолингвистическая идентичность, этническое самосознание, цифровизация, информационно-аналитическая система.

Dugarova T.Ts.
Russian Academy of Education
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia

Dugarov T.Ts.
Moscow Polytechnic University
Moscow, Russia

Badiev I.V.
Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

CONSTRUCTING ETHNOPSYCHOLINGUISTIC IDENTITY BASED ON DATA FROM AN INFORMATION-ANALYTICAL SYSTEM FOR CONDUCTING ASSOCIATIVE EXPERIMENTS

Abstract. Ethnopsycholinguistic identity is a dynamic, constructed phenomenon that reflects an individual's awareness of their belonging to a specific ethnic group, which is mediated by their value-based attitude towards the surrounding realities (the material world, the natural world, the symbolic space, and the socio-normative space), which are encoded in language. The study of ethnopsycholinguistic identity requires approaches that focus on processing large amounts of data that reflect the deep, unconscious layers of the language speakers' consciousness. The authors used a bilingual information and analytical system to identify a set of culturally specific knowledge through verbal representations – associative chains that reflect the process of constructing identity narratives. The article proposes an algorithm for constructing ethnopsycholinguistic identity based on data from an information and analytical system and identifies the structural and content components of ethnopsycholinguistic identity (language, intellectual and creative, and personal). The results of the study provide insight into the specific features of the subjects' ethnic self-awareness, allowing for an analysis of the dynamics and intensity of the development of young people's identity in the context of the interplay between the "world of traditions" and the "world of innovations."

Keywords: ethnopsycholinguistic identity, ethnic self-awareness, digitalization, information and analytical system.

Введение

Цифровизация активно вторгается в различные отрасли науки на основе новейших коммуникаций, увеличения вычислительных мощностей, разработки информационных систем и сервисов. Все это создает огромный пласт знаний: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей. Концепция цифровых знаний отражает глобальный характер движения к обществу знаний, суть которого цифровые трансформации – изменения всех институтов и структур общества и их интеграцию в единую экосистему на этапе постиндустриального развития общества. Такие изменения «накладывают свой отпечаток на мировоззрение, мышление, поведение личности, создавая нового гибридного человека» [3, с. 41]. Интерес к идентичности как междисциплинарной, полипарадигмальной проблеме современной науки обусловлен глобализацией и мультикультурализмом, изменчивостью социальных представлений и колоссальными изменениями в системе ценностей.

Нарастающая во всем мире компьютеризация открывает для исследователей идентичности совершенно новые возможности для понимания и прогнозирования человеческих взаимодействий и отношений на основе Big Data с привлечением технологий, которые встречаются в компьютерных и естественных науках, чем в устоявшихся областях социальных отношений. Цифровые медиа, культура «мгновенного общения» через электронную почту, социальные сети используют специфические формы языка, формируя восприятие идентичности. Следует согласиться с R.H. Heiberger, что формируется междисциплинарная исследовательская ветвь «вычислительная социальная наука» с программными библиотеками для анализа больших сетей и больших текстовых корпусов, с иллюстрацией

теоретических концепций и эмпирическими приложениями с выходом на понимание социальных процессов [21].

Изучение этнопсихолингвистической идентичности требует подходов, выходящих за рамки традиционных методов, актуализации инструментов обработки больших массивов данных, отражающих глубинные бессознательные слои сознания носителей языка. Совокупность общечеловеческих и культурно специфических знаний позволяет перейти от описания статичной идентичности к моделированию её динамического конструирования, выявляя обыденное сознание носителя языка/этноса, культурные коды, этнические авто- и гетеростереотипы, создает основу для конструирования этнопсихолингвистической идентичности. Изучение лингвистической идентичности, конструируемой посредством языка, через нарастающую компьютерную коммуникацию, становится мейнстримом современной науки [19].

Методология и методы

Этнопсихолингвистическая идентичность представляет собой динамический конструируемый феномен, отражающий осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, которое опосредовано ценностными отношениями к окружающим реалиям (предметный мир, природный мир, образно-знаковое пространство, социально-нормативное пространство), закодированными в языке [4]. Взаимосвязь языка и идентичности представляет собой широкий пласт исследований, где рассматривается «выделительная функция языка [2], заключающаяся в противопоставлении «своих и других», маркировании социальной идентичности (культурной, этнической, политической ид.). Литература по теме синергии языка и идентичности обширна и разнообразна в силу интеграции дисциплин и соответствующих теоретико-методологических

подходов. В частности, «высказываются предположения о возможности формировании новой тенденции изучения динамики развития лингвокультурной идентичности в русле модификаций когнитивно-коммуникативного пейзажа национальной ментальности и концептосферы» [10, с. 4]. По сути дела, «речь идёт о новой идентичности не только носителя национального языкового сознания, но и лингвиста, изучающего данный тип сознания, и формируемого парадигмой переходности, отличающейся мета и интердисциплинарностью подходов к избранным объектам исследования» [10, с. 4].

Нарастающее компьютерно-опосредованное общение «отражает запросы нового языкового сознания и языковой компетенции» [8, с. 7] представителей цифрового поколения, что предопределяет перспективы исследовательских стратегий изучения виртуальной идентичности. С развитием компьютерных технологий интенсивно развиваются прикладные лингвистические направления Интернет-лингвистики – компьютерная и корпусная лингвистики [9]. Большинство перспективных направлений развития аппаратно-программного обеспечения персональных компьютеров связаны с предоставлением пользователю существенных возможностей применения естественного языка при работе с компьютером: языковой интерфейс, возможность языковой коррекции, различные системы поиска информации и т. п. [1]. Компьютерную лингвистику рассматривают в качестве инструмента в целях конструирования лингвистической идентичности, при этом интернет и веб-пространство рассматривают как глобальный веб-корпус текстов [7]. Исследователи, обсуждая модель языковой личности на основе использования электронного лингвистического ресурса, отмечают сложности, сопряженные с формализацией лингвокогнитивной составляющей структуры языковой личности [12].

Дискурсообразующим для дальнейших исследований в этнопсихолингвистике являются так называемые конфликтогенные отражения в языке ксенофобических настроений, дискриминации, стереотипов и предрассудков в отношении различных социальных групп. Так, Г.Т. Хухуни приводит факт, что «в 2016 г. онлайн-словарём Dictionary.com в качестве слова года была выбрана лексема xenophobia» [13, с. 90], причём, как отмечалось исследователями, в последующие годы названное слово сохраняет высокий рейтинг.

Обратимся к некоторым современным зарубежным исследованиям, затрагивающим аспекты этнопсихолингвистической идентичности.

В работе Shanette C. Porter рассматривается проблема конструирования социальной идентичности коммуникатора на основе его текстового сообщения [22]. Авторы определяют признаки лингвистических межгрупповых предубеждений в сфере речи, характерных для текстов, описывающих ин-группы и аут-группы. Выявлено, что абстрактный язык используют для описания ин-групповых целей желательных видов поведения, конкретный язык – для описания видов нежелательного поведения, при этом для аут-группы используют конкретный язык для групповых целей желательных видов поведения и абстрактный язык для нежелательного поведения. Другими словами, можно говорить о разных типах лингвистической идентичности коммуникатора на основе определения признаков лингвистических межгрупповых предубеждений при описании внутригрупповых и внегрупповых целей.

M. Medeiros, рассматривая причины, побуждающие принять определенный уровень интенсивности конфликта, утверждает, что языковая жизнеспособность, социальное здоровье языка влияют на интенсивность этнических конфликтов [20]. В статье представлена теоретическая модель, согласно которой низкие и высокие уровни языковой жизнеспособности

представлены как связанные с более низкой интенсивностью конфликта, по сравнению с умеренными уровнями жизнеспособности. Результаты многоуровневого моделирования подтверждают эту гипотезу об этнической напряженности на уровне языка в общем контексте.

В статье F. Thuesen на основе материалов интервью рассмотрено влияние языка на формирование социальной идентичности, социального капитала (доверие и взаимность, необходимые социальным отношениям на рабочих местах) [24]. Поликультурная среда является пространством для построения социальных отношений, соединяющих различные социальные группы, и соответственно важно выявить как языковое разнообразие влияет на формирование социального капитала. Влияние языка на социальный капитал рабочих низкой квалификации с учетом этнического разнообразия до сих пор получало ограниченное исследовательское внимание. В работе показано, как лингвистические барьеры – разные уровни владения языком и связанные с ними проблемы, порождают недоверие и враждебность. При этом общение, направленное на сотрудничество, может обеспечить лингвистические мосты для формирования социального капитала, конструирования адекватной идентичности.

В исследовании A. Smirnova рассматривается психологическая роль языка в этнолингвистических конфликтах в условиях политического соперничества с языковой идеологией [23]. Выбор языка определяется языковой или политической идентичностью: человек может отдавать предпочтение тем, кто использует язык, связанный с его политическими взглядами, его принадлежностью к этнической группе.

H.W. Haller, отмечая историчность изучения языкового сознания, указывает на дискуссии относительно полноты и формы использования языка и диалектов в географическом и социальном пространстве, стилистического выбора языка и диалектов, содержания и качества индивидуальных представлений о языковой практике и истории языка [16].

Автор анализирует эссе – лингвистические автобиографии, написанные студентами итальянских университетов, которые в целом отражают представления об эволюции этноязыковой идентичности среди молодежи, сохранение жизнеспособности итальянских диалектов в итальянском обществе. В текстах эссе рассматриваются изменения в языковом поведении, ценностях и установках на протяжении детства и взрослости.

Вклад в проблему изучения взаимосвязи языка и идентичности вносит обзор исследований в области психолингвистики, связанных с распознаванием символов и слов, свойственных определённой ментальности [16]. Содержание включает в себя информацию о влиянии количества штрихов, количества и расположения начертаний на распознавание символов, а также об эффекте превосходства слов и эффекте соседства, наблюдаемом при распознавании символов.

Методология G.R. Hovhannisyan появилась благодаря серии исследований автора, посвященных лингвистической категоризации эмоций, овладению языком и двуязычной идентичности, а также основам исследования культуры в языковом образовании [18]. Автор поднимает проблему развития этнопсихолингвистической идентичности, связанную как с социально-когнитивными, прагматическими и этическими аспектами, так и с проблемами исторических, социальных и культурных различий в психологии и мировоззрении: способам рационализации восприятия, структурам знаний, установкам и выбору способов выражения этих чувств и убеждений. Рассматривая эти проблемы в рамках психолингвистической парадигмы, в исследовании предлагается набор взаимосвязанных подходов и действий, включая: системный подход к формированию межкультурных компетенций; внедрение психолингвистического подхода в обучение и воспитание, который выдвигает на первый план языковую личность

обучающегося; поддержка программ с компонентами этнолингвистического межкультурного обучения.

Конструирование идентичности на основе использования естественных текстовых данных в Интернете способствует выявлению сходств и различий между коллективными представлениями о себе реальных групп [15]. Авторы используют алгоритмы машинного обучения для оценки сходства языкового стиля пятнадцати различных онлайн-групп, а затем – многомерное масштабирование для отображения групп в двумерном пространстве (N=1 779 098 комментариев на Reddit). Далее авторы применяют методы агломерации и кластеризации (k-means), чтобы оценить специфику объединения 15 групп, и выявляют четыре различных по поведению типа групп: профессиональные, группы коллективного действия (включающие политическую и этническую/религиозную идентичность), группы взаимоотношений и группы стигматизации.

Исследование

В целях конструирования этнопсихолингвистической идентичности носителя бурятского языка культуры обратимся к данным ассоциативного эксперимента в пространстве информационно-аналитической системы. Ассоциативный эксперимент используется для исследования субъективных семантических полей, как способ выявления специфики отражения представлений о каком-либо явлении/предмете действительности в обыденном сознании носителей языка. Ассоциативные эксперименты применяются с начала XX в. (К.Г. Юнг, А.Р. Лурия, А.А. Залевская и др.). Обработка ассоциативных связей слова как языковой единицы дает возможность обнаружить глубинные, нерефлексируемые компоненты идентичности, специфическую внутреннюю структуру языкового сознания, глубинную модель связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его

многостороннего опыта, языкового сознания. Ассоциативные цепочки отражают процесс конструирования идентичности как нарратива, постоянно создаваемого и воссоздаваемого в коммуникации.

Нами была использована билингвальная информационно-аналитическая система выявления совокупности общечеловеческих и культурно-специфических знаний через вербальные репрезентации, отраженные в ассоциативных значениях слов национального языка. Информационная система состоит из трех компонентов: 1. веб – сайт ассоциативного эксперимента, представляющий собой веб – интерфейс для исследователя и респондента; 2. прикладное программное обеспечение опроса и обработки данных; 3. база данных, и возможные формы ее представления, в том числе в виде переводного русско-бурятского ассоциативного словаря. Информационно-аналитическая система проведения ассоциативных экспериментов на материале бурятского языка предоставляет возможность доступа к ассоциативному тезаурусу как к принципиально новому объекту междисциплинарных исследований – когнитивной лингвистики, компьютерной лингвистики, когнитивной психологии, лингвистики, семиотики, психологии, культурологии, социологии, что позволяет анализировать связь языка и культуры, роль языка на процесс формирования идентичности. Направление изучения процессов становления и функционирования языкового сознания, исследование глубинных структур взаимодействия языка и мышления, реконструкция личностных и культурных смыслов, формирующих картину мира индивидов, получили развитие в московской психолингвистической школе[1]. Одной из центральных идей моделирования языкового сознания, получивших теоретическое

[1] В России центром психолингвистической науки долгое время являлся сектор психолингвистики и теории массовой коммуникации Института языкознания Российской академии наук (ИЯ РАН). Его организатором и руководителем (до 1975 г.) был А. А. Леонтьев.

и практическое воплощение, является «идея построения когнайзера» – семиотической машины (автомата), как инфокогнитивной компьютерной системы/технологии, реализующей возможные модели операциональных отношений, существующих в сознании носителя языка культуры, между языковыми единицами, которые зафиксированы в различных ассоциативных и когнитивных экспериментах» [11, с. 54].

В исследовании участвовали студенты бурятской национальности Бурятского государственного университета в возрасте 17–20 лет. Для сбора эмпирического материала использовался сайт buropros.ru/site.html, где для ассоциативного эксперимента респондентам было предложено 105 слов-стимулов. Эксперимент показал, что созданная модель является эффективным когнитивным инструментом конструирования этнопсихолингвистической идентичности на основе данных ассоциативного эксперимента. Количественный этап анализа включал: расчет частотности реакций; построение ассоциативных полей (семантических сетей); расчет коэффициентов силы ассоциации (Jaccard index), семантический анализ (оценка тональности, эмоциональной окраски реакций). Алгоритм конструирования этнопсихолингвистической идентичности на основе данных информационно-аналитической системы включал следующие этапы:

1. Формирование ассоциативных портретов ключевых концептов.

2. Построение ядра и периферии ассоциативного поля для каждого слова-стимула.

3. Выявление латентных конструктов.

4. Анализ семантических связей между реакциями (кластерный анализ, анализ соседства). Интерпретация кластеров как конструктов идентичности.

5. Выявление ключевых различий, формирующих границы «Свой» vs «Другой».

Содержательными компонентами конструирования этнопсихолингвистической идентичности выступают следующие элементы:

языковой, интеллектуально-творческий, личностный. Для определения языкового компонента этнопсихолингвистической идентичности проведен компаративный анализ русско-бурятского ассоциативного словаря; далее проведен анализ реакций по трем критериям: уникальность реакций; количество реакций; отсутствие реакций. По уникальности реакций следует отметить пределы от 20–25% новых и оригинальных слов-реакций. Количество реакций определяется качеством слова-стимула (знакомое /незнакомое слово, конкретное/абстрактное слово). Отсутствие реакций наблюдается в отношении малоупотребительных слов. Ассоциации испытуемых идут двумя основными путями: синтагматическим и парадигматическим. Преобладание синтагматических ассоциаций свидетельствует о бедности словарного запаса носителей бурятского языка (на следующем этапе исследования, возможно, нужно предъявлять слова на русском языке). Некоторые слова-стимулы переведены испытуемыми на русский язык. Особенностью репрезентантов языкового сознания бурят является «сохранность национального языкового кода/ментальности при некоторой ограниченности слов-реакций, искажении и отсутствии реакций, что свидетельствует о состоянии бурятского языка, внесенного ЮНЕСКО в перечень исчезающих языков мира» [6, с. 7].

Интеллектуально-творческий компонент идентичности передает опыт отношений испытуемых к различным сторонам окружающего мира, к самому себе, что можно анализировать по оригинальности реакций. Феномены языковых реалий этнического самосознания бурят (ассоциативные цепочки, концепты культуры) рассмотрены в контексте условий развития и бытия личности: 1 – предметного мира, 2 – природного мира, 3 – реалий образно-знаковых систем и 4 – реалий социально-нормативного пространства [5].

Личностный компонент этнопсихолингвистической идентичности выражен через нарративы, которые передают сущностные характеристики и ощущения своего «Я», определение социальных ролей, согласованность с ценностями традиционного бурятского общества. На основе применения ассоциативного эксперимента активно развивается направление концептосферы – изучение феноменов ментального мира, совокупности ценностных отношений представителя этноса, его культуры, заложенных в минимальных единицах – концептах. По мнению Г.Г. Шпета, «психологично не столько культурно-историческое содержание народной жизни, а сколько отношение к продуктам культуры, к смыслу культурных явлений. Предметом особого внимания исследователей должно стать отношение к языку, мифам, нравам, религии, так как «нигде так ярко не сказывается психология народа, как в его отношении к им же “созданным” духовным ценностям» [14, с. 111].

Выводы

Результаты ассоциативного эксперимента позволяют составить представление о характерном для испытуемых языковом сознании: о динамике и напряженности развития идентичности молодежи в условиях сопряжения между «миром традиций миром инноваций». Результаты эксперимента позволяют судить о ментальности бурят: выявлены ключевые концепты этноса. По ответам-ассоциациям можно прогнозировать развитие языкового сознания тех бурят, которые в ближайшие 30 лет будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества.

В плане дальнейшего изучения данных информационно-аналитической системы находятся следующие исследовательские проблемы: а) сравнение ассоциативных полей в возрастном аспекте; б) определение параметров возникновения конфликтов ассоциативных полей; в) определение развивающего потенциала ассоциативных полей.

Перспективным представляется построение программируемой компьютерной системы поддержки эмпирических и теоретических исследований языкового сознания носителя бурятской лингвокультуры, компьютерного моделирования механизмов работы языкового сознания бурят для решения фундаментальной проблемы, касающейся нескольких смежных научных дисциплин (когнитивной лингвистики, компьютерной лингвистики, когнитивной психологии, психолингвистики) – проблемы типологии знаний, их объема, качества, оперирования ими в масштабе бурятской языковой идентичности. Функция идентичности – способность к регуляции поведения сообразно внешним условиям актуализирует исследовательский интерес к аспектам распознавания конфликтогенного и развивающего потенциала личности в изменяющихся условиях современного мира.

Литература

1. *Ванина А.Г., Круглый А.Н., Жуков Д.С.* Язык как информационная модель реальности // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Москва, 04 июля 2021 года. Москва: ООО "Институт развития образования и консалтинга", 2021. С. 64–68.

2. Выделительная функция языка // Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 41–42.

3. *Грязнова Е.В.* Цифровой человек: к вопросу о методологии философских исследований // Философия науки. 2024. № 3(102). С. 41.

4. *Дугарова Т.Ц.* Особенности этнического самосознания современных бурят России: автореф. дисс. … д-ра психол. н. М. 2010. 45 с.

5. *Дугарова Т.Ц. Мухина В.* Ментальные особенности современных бурят России / В. Мухина, Т. Дугарова // Развитие личности. 2010. № 2. С. 164-175.

6. *Дугарова Т.Ц., Бадиев И.В., Филиппович Ю.Н., Дугаров Т.Ж.Ц.* Изменения в ментальности современных бурят (по результатам психосемантических исследований) // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 7.

7. *Иванова Е.В.* Применение информационных технологии в прикладных лингвистических исследованиях // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2020. № 1(38). С. 34–39.

8. *Ионова С.В.* Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 6–16.

9. *Саратовская Л.Б.* Инновации в современной лингвистической науке и Интернет // Повышение академической мобильности преподавателей и студентов, в рамках сотрудничества РЭУ им. Г.В. Плеханова с международной образовательной корпорацией "Pearson" : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 января 2016 года / Под редакцией М.В. Зарудной. Москва: PEARSON, 2016. С. 418–423.

10. *Седых А.П., Бузинова Л.М., Акимова Э.Н., Безкоровайная Г.Т.* Феноменология языковой идентичности: философский и филологический дискурс / Белгород : ООО "Эпицентр", 2025. 136 с.

11. *Филиппович Ю.Н.* Инфокогнитивная технология моделирования вербального сознания//Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 10. Номер 2. 2012. С. 51–62.

12. *Хоменко А.Ю.* Проблема формализации структуры языковой личности для компьютерного представления // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 111–117.

13. *Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И.* Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 85–93.

14. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996. С.111.

15. *Cork A., Everson, R., Naserian, E.* et al. Collective self-understanding: A linguistic style analysis of naturally occurring text data. Behav Res 55, 4455–4477 (2023). https://doi.org/10.3758/s13428-022-02027-8

16. *Fan X., Reilly, R*. Psycholinguistic Research Related to Chinese Character Recognition: Implications for CFL Teaching. In: Osborne, C., Wang, D., Zhang, Q. (eds) Teaching Chinese Characters in the Digital Age. Palgrave Studies on Chinese Education in a Global Perspective. Palgrave Macmillan, Cham. (2024). https://doi.org/10.1007/978-3-031-64784-0_8

17. *Hermann W. Haller.* Evolving linguistic identities among the Italian-American youth: Perceptions from linguistic autobiographies //Forum Italicum, 2014, vol. 48, 2: pp. 238-252., https://doi.org/10.1177/0014585814529230

18. *Hovhannisyan G.R.* Psycholinguistic Competencies and Interculturality in ELT. In: Al-Mahrooqi, R., Denman, C.J. (eds) Individual and Contextual Factors in the English Language Classroom. English Language Education, 2022, vol 24. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91881-1_2

19. *Marcel Danesi*. Forging a linguistic identity in the age of the Internet Forum Italicum, vol. 48, 2: pp. 227-237. 2014 Volume: 48 issues: 2, page(s): 227-237 https://doi.org/10.1177/0014585814529223

20. *Medeiros M.* The language of conflict: The relationship between linguistic vitality and conflict intensity Ethnicities, 2015, vol. 17, 5: pp. 627-645. https://doi.org/10.1177/1468796815608878

21. *Raphael H. Heiberger, Jan R.* Riebling Installing computational social science: Facing the challenges of new information and communication technologies

in social science Methodological Innovations 2016 Volume 9: 1–11 https://doi.org/10.1177/2059799115622763

22. *Shanette C. Porter1, Michelle Rheinschmidt-Same, Jennifer A. Richeson* Inferring Identity From Language: Linguistic Intergroup Bias Informs Social Categorization Psychological Science, vol. 27, 1: pp. 94-102. First Published December 4, 2015. https://doi.org/10.1177/0956797615612202

23. *Smirnova An, Rumen Iliev* Political and Linguistic Identities in an Ethnic Conflict Journal of Language and Social Psychology, 2016 vol. 36, 2: pp. 211-225. https://doi.org/10.1177/0261927X16643559

24. *Thuesen F.* Linguistic barriers and bridges: constructing social capital in ethnically diverse low-skill workplaces Work, Employment and Society,2016, vol. 31, 6: pp. 937-953. https://doi.org/10.1177/0950017016656321

References

1. Vanina A. G., Kruglyj A. N., Zhukov D. S. (2021) Jazyk kak informacionnaja model' real'nosti // Aktual'nye problemy nauki i obrazovanija v uslovijah sovremennyh vyzovov: sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 04 ijulja 2021 goda. Moskva: OOO "Institut razvitija obrazovanija i konsaltinga". S. 64-68.

2. Vydelitel'naja funkcija jazyka // Slovar' sociolingvisticheskih terminov / otv. red. V. Ju. Mihal'chenko. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2006. S. 41–42.

3. *Grjaznova E. V.* (2024). Cifrovoj chelovek: k voprosu o metodologii filosofskih issledovanij // Filosofija nauki. № 3(102). S. 41.

4. *Dugarova T.C. (2010). Osobennosti ehtnicheskogo samosoznaniya sovremennykh buryat Rossii: avtoref. diss. … d-ra psikhol. n. [Features of the ethnic identity of modern Buryats in Russia]. Moscow. 2010. 45 s.*

5. *Dugarova T.C. Muhina V. (2010). Mental'nye osobennosti sovremennykh buryat Rossii // Razvitie lichnosti. № 2. S. 164-175.*6. *Dugarova T. C., Badiev I. V., Filippovich Ju. N., Dugarov T. Zh. C.* (2017). Izmenenija v mental'nosti sovremennyh burjat (po rezul'tatam psihosemanticheskih issledovanij) // Novye issledovanija Tuvy. 2017. № 3. S. 7.

7. *Ivanova E.V.* (2020). Primenenie informacionnyh tehnologii v prikladnyh lingvisticheskih issledovanijah // Professional'nyj proekt: idei, tehnologii, rezul'taty. № 1(38). S. 34-39.

8. *Ionova S. V*. (2016). Lingvistika novogo jazykovogo soznanija i informacionnyh tehnologij // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2016. T. 15, № 3. S. 6-16.

9. *Saratovskaja L. B.* (2016). Innovacii v sovremennoj lingvisticheskoj nauke i Internet / L. B. Saratovskaja // Povyshenie akademicheskoj mobil'nosti prepodavatelej i studentov, v ramkah sotrudnichestva RJeU im. G.V. Plehanova s mezhdunarodnoj obrazovatel'noj korporaciej "Pearson": sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 25–26 janvarja 2016 goda / Pod redakciej M.V. Zarudnoj. Moskva: PEARSON, 2016. S. 418-423.

10. *Sedyh A. P., Buzinova L. M., Akimova Je. N., Bezkorovajnaja G. T.* (2025). Fenomenologija jazykovoj identichnosti: filosofskij i filologicheskij diskurs / Belgorod: OOO "Jepicentr", 136 s.

11. *Filippovich Ju.N.* (2012). Infokognitivnaja tehnologija modelirovanija verbal'nogo soznanija//Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. Tom 10. Nomer 2. S. 51-62.

12. Homenko *A. Ju.* (2021). Problema formalizacii struktury jazykovoj lichnosti dlja komp'juternogo predstavlenija // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2021. № 2. S. 111-117.

13. *Huhuni G. T., Valujceva I.I.* (2023). Sohranenie jetnicheskoj i lingvisticheskoj identichnosti: edinstvo i protivorechie // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2023. № 3. S. 85-93.

14. *Shpet G.G. (1996*). Vvedenie v jetnicheskuju psihologiju. SPb. 1996. S.111.

15. *Cork A., Everson, R., Naserian, E.* et al. (2023). Collective self-understanding: A linguistic style analysis of naturally occurring text data. Behav Res 55, 4455–4477 https://doi.org/10.3758/s13428-022-02027-8

16. *Fan X., Reilly, R.* (2024). Psycholinguistic Research Related to Chinese Character Recognition: Implications for CFL Teaching. In: Osborne, C., Wang, D., Zhang, Q. (eds) Teaching Chinese Characters in the Digital Age. Palgrave Studies on Chinese Education in a Global Perspective. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-64784-0_8

17. *Hermann Haller* (2014). Evolving linguistic identities among the Italian-American youth: Perceptions from linguistic autobiographies //Forum Italicum, vol. 48, 2: pp. 238-252. https://doi.org/10.1177/0014585814529230

18. *Hovhannisyan G.R.* (2022). Psycholinguistic Competencies and Interculturality in ELT. In: Al-Mahrooqi, R., Denman, C.J. (eds) Individual and Contextual Factors in the English Language Classroom. English Language Education, vol 24. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91881-1_2

19. *Marcel Danesi* (2014). Forging a linguistic identity in the age of the Internet Forum Italicum, vol. 48, 2: pp. 227-237. 2014 Volume: 48 issues: 2, page(s): 227-237 https://doi.org/10.1177/0014585814529223

20. *Medeiros M.* (2015). The language of conflict: The relationship between linguistic vitality and conflict intensity Ethnicities, vol. 17, 5: pp. 627-645. https://doi.org/10.1177/1468796815608878

21. *Raphael H. Heiberger, Jan R.* (2016). Riebling Installing computational social science: Facing the challenges of new information and communication technologies in social science Methodological Innovations. Volume 9: 1–11 https://doi.org/10.1177/2059799115622763

22. *Shanette C. Porter1, Michelle Rheinschmidt-Same, Jennifer A. Richeson* (2015). Inferring Identity From Language: Linguistic Intergroup Bias Informs Social Categorization Psychological Science, vol. 27, 1: pp. 94-102. First Published December 4. https://doi.org/10.1177/0956797615612202

23. *Smirnova An, Rumen Iliev* (2016). Political and Linguistic Identities in an Ethnic Conflict Journal of Language and Social Psychology, vol. 36, 2: pp. 211-225. https://doi.org/10.1177/0261927X16643559

24. *Thuesen F.* (2016). Linguistic barriers and bridges: constructing social capital in ethnically diverse low-skill workplaces Work, Employment and Society, vol. 31, 6: pp. 937-953. https://doi.org/10.1177/0950017016656321

Дата поступления статьи в редакцию: 20.11.2025 г.
Дата принятия статьи к публикации: 25.12.2025 г.

УДК 81'1/'4

Желтухина М.Р.
Пятигорский государственный университет
357532, Ставропольский край, пр. Калинина, 9
Пятигорск, Россия
zzmr@mail.ru

Спорова И.П.
Московский университет имени А.С. Грибоедова
105066, ул. Новобасманная ул., д. 35, стр. 1
Москва, Россия
i.sporova@yandex.ru

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПИСЬМА В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ EMAIL-РАССЫЛКЕ

Аннотация. Современные информационно-коммуникационные технологии способствуют стремительному переходу общения разного рода в виртуальную медиасреду. Период предвыборных кампаний некоторых стран характеризуется использованием новых способов привлечения внимания электората, что в свою очередь приводит к появлению новых гибридных жанров политического медиадискурса. В статье рассматривается тема электронного письма как структурный компонент политической email-рассылки. Цель исследования состоит в изучении манипулятивного воздействия тем электронных писем, относящихся к новому жанру политического медиадискурса, посредством применения таких методов, как дискурсивный, контекстуальный, лингвопрагматический, системно-лингвистический и интерпретативный анализ. Материалом для исследования служат 500 тем электронных писем из корпуса политических email-рассылок, предназначенных для резидентов США в период предвыборных кампаний 2016-2022 гг. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что тема электронного письма обладает значительным потенциалом в аспекте манипуляции сознанием адресата, несмотря на отсутствие прямой корреляции между темой политической email-рассылки и ее содержанием. Созданию манипулятивного воздействия на адресата способствуют графические (капитализация), лексические (эпонимия, сочетание ЛЕ разного стиля, милитарные метафоры) и синтаксические приемы (обращения, повелительное наклонение).

Ключевые слова: политический медиадискурс, Интернет-дискурс, медиажанр, политическая email-рассылка, тема письма, метафора, воздействие, манипуляция.

Zheltukhina M.R.
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia

Sporova I.P.
Moscow Griboyedov University
Moscow, Russia

MANIPULATIVE INFLUENCE OF THE EMAIL SUBJECT LINES IN THE AMERICAN POLITICAL DIRECT EMAIL

Abstract. Modern information and communication technologies are rapidly shifting various types of communication to virtual environments. Election campaigns in some countries are characterized by the use of new methods to attract voters' attention, which in turn leads to the emergence of new hybrid genres of political media discourse. This article examines the email subject line as a structural component of political direct email. The aim of the study is to study the manipulative influence of email subject lines related to the new genre of political media discourse, achieved by applying methods such as discursive, contextual, linguopragmatic, system-linguistic and interpretive analysis. The study is based on the analysis of 500 email subject lines from the political direct email corpus sent to US residents during the 2016-2022 election campaigns. The findings suggest that email subject lines have significant potential to manipulate recipients' minds, despite the lack of a direct correlation between a political email subject line and its content. Graphic (capitalization), lexical (eponymy, a combination of lexical units of different styles, military metaphors), and syntactic techniques (appeals, imperative mood) contribute to manipulative influence on recipients.

Key words: political media discourse, Internet discourse, media genre, political direct email, email subject line, metaphor, influence, manipulation.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий способствует переходу многих сфер общественно-политической жизни в виртуальную среду. Так, например, в последнее десятилетие избирательные кампании в ряде стран активно осуществляются в онлайн формате (ведение агитации, коммуникация с электоратом, сбор средств, электронное голосование). Применение новых информационных технологий в период предвыборных кампаний в США способствовало возникновению медиатекста нового жанра – политической email-рассылки [1; 2; 3]. Неоднородность и мультимодальность неожанра политического медиадискурса вызывает исследовательский интерес с точки зрения его структурных, функциональных, лингвосемиотических и прагмалингвистических особенностей.

Заимствованные из рекламного дискурса лингвопрагматические приемы воздействия на адресата проявляются, в том числе, и в особенностях представления темы электронного письма. Актуальность изучения лингвопрагматических особенностей темы писем в американской политической email-рассылке вызвана необходимостью выделения и систематизации наиболее эффективных языковых средств воздействия на электорат, находящих воплощение в стратегиях и тактиках определенного рода.

Обзор литературы

Необходимо отметить, что в настоящее время выполнено значительное количество лингвистических исследований текстов эпистолярного жанра (Т.Г. Винокур, А.И. Ефимов, Н.П. Потоцкая, Д.Э. Розенталь, Ш. Балли, Р. Мейер) [2]. В научном сообществе ведутся активные дискуссии, связанные с проблемами определения жанрового разнообразия писем (Н.Б. Лебедева, Т.В. Шмелева), описания структуры и особенностей функционирования в них языковых средств выразительности (В.С. Зайцева, Г.П. Сидоренко, С.В. Усова, Н.А. Ковалева, С.Л. Катаржина), выявления специфики стратегий и тактик в письменной коммуникации (Н.С. Баланчик, Н.В. Силаева) [8].

Переход письменной коммуникации в виртуальную среду приводит к необходимости детального изучения Интернет-дискурса и появлению исследований в данном направлении, а именно, выполнены сопоставление языковых особенностей функционирования языка компьютерной коммуникации на Web-страницах на русском и английском языках (А.А. Атабекова), лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (О.В. Дедова), установлена специфика языкового оформления Интернет-дискурса (Н.А. Ахренова), изучение языковой личности в

виртуальном дискурсе и рассмотрение спам-рассылок как разновидностей жанра электронного письма (О. В. Лутовинова) [1; 2; 4; 7].

Открытыми для дискуссии остаются вопросы, связанные с письменной политической коммуникацией в виртуальной среде. Выделение и дифференциация жанров политического медиадискурса вызывает определенного рода трудности, связанные с высокой динамичностью развития политической сферы и пересечения нескольких типов дискурса с точки зрения их жанрового многообразия [9; 10]. Так, например, в последние десятилетия в политическом медиадискурсе функционирует новый жанр – политическая email-рассылка, обладающая признаками смежных с ней жанров рекламного и виртуального дискурсов. С позиции таких характеристик как канал распространения, мультимодальность, использование технологии микротаргетирования, наибольшее сходство неожанр политической email-рассылки обнаруживает с прямой почтовой рассылкой, принадлежащей к жанру рекламного дискурса [2].

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования используются темы электронных писем из корпуса политических email-рассылок, предназначенных для резидентов США в период предвыборных кампаний 2016–2022 гг. общим объемом 500 единиц. Методология исследования базируется на системном подходе, позволяющем выявлять лингвопрагматические средства воздействия в темах электронного письма в жанре политической email-рассылки. Инструментальную основу эксперимента составили методы дискурсивного, контекстуального, лингвопрагматического, системно-лингвистического и интерпретативного анализа, способствующие выявлению и описанию лингвопрагматического манипулятивного

потенциала лингвосемиотических средств, используемых в теме электронных сообщений жанра «политическая email-рассылка».

Результаты исследования

Структура email-рассылки предполагает наличие таких традиционных компонентов, как адрес отправителя, тема, прехедер (англ. *preheader*), хедер (англ. *header*), основная часть (англ. *body*) и футер (англ. *footer*) [5].

Тема письма – это первичная информация, предназначенная для потенциального избирателя, которому адресована политическая email-рассылка. На наш взгляд, по своему функциональному назначению тема электронного сообщения напрямую соотносится с заголовком текста.

Реализуя *сигнальную функцию*, тема электронного сообщения позволяет адресату предвосхитить его содержание, непосредственно не открывая письмо. Структурно-семантические особенности заголовка традиционного текста и темы email-рассылки обычно представлены в виде сжатого текста, традиционно предполагающего прямое соотношение с его содержанием. Рассмотрим на примере особенности реализации сигнальной функции темы политической email-рассылки. Так в электронном сообщении американской политической активистки Кэндис Эмбер Оуэнс (*Candace Owens*), публично поддерживающей политику президента Дональда Трампа и подвергающей критике деятельность Демократической партии США и общественного движения *Black Lives Matter* (выступает против дискриминации и насилия в отношении темнокожего населения), в качестве темы заявлено:

[Petition Alert] The Olympics wants to CANCEL the American flag *(10.02. 2020) / [Петиция] На олимпиаде хотят ОТМЕНИТЬ американский флаг.*

Фокус внимания адресата – резидента США на национальной символике как предмета особой гордости позволяет адресанту манипулировать сознанием воспринимающей стороны, несмотря на тот факт, что тема письма

напрямую не соотносится с его содержанием. При количественном подсчете соответствия темы политической email-рассылки и основного содержания электронного сообщения установлено, что свыше 90 % от общего количества тем не находит прямой корреляции с содержанием. Таким образом, подобное несоответствие способствует реализации следующей функции тем электронных сообщений.

Аттрактивная функция темы email-рассылки заключается в необходимости привлечения внимания адресата к основной части сообщения, способствует возникновению у воспринимающей стороны мотива открыть электронное письмо и ознакомиться с его содержанием. В качестве примера приведем один из частотных «шаблонных» вариантов темы американской политической email-рассылки:

BREAKING NEWS from Georgia (17.08. 2016) */ Экстренные новости из штата Джорджия.*

Воздействие на эмоциональную сферу адресата оказывается посредством привлечения внимания к ситуации, требующей быстрой реакции на событие. Шаблонные фразы *(breaking news / срочные / экстренные новости)* создают ощущение важности происходящего, вызывая при этом чувство тревоги, потерю контроля над реальностью, мотивируют адресата к поиску дополнительной информации, тем самым приводят к необходимости открыть электронное сообщение.

В представленном далее примере темы электронного письма содержится информация, не имеющая соответствие с внутренним содержанием письма:

It will get you fired (23.07.2021, 23:53) */ Это приведет вас к увольнению.*

Тем не менее подобный прием вызывает негативные эмоции, заставляющие адресата действовать незамедлительно (поддержать

политическую партию или кандидата, внести пожертвования в фонд определенного политического движения).

Смыслообразующая функция темы email-рассылки задает общий контекст для восприятия текста, в том числе и для передачи позиции автора сообщения. Подвергая критике действия главного медицинского советника президента Дж. Байдена, руководителя лаборатории иммунорегуляции NIAID и директора Национального института аллергии и инфекционных заболеваний (*NIAID*) Энтони Фаучи, в теме политической email-рассылки заявлено:

Dr Fauci lied to our faces, Patriot *(13.06.2021, 04:17)* */ Доктор Фаучи лгал нам в лицо, Патриот.*

Далее в тексте электронного сообщения автор намеренно не называет имя главного медицинского советника президента США Энтони Фаучи (*Anthony Fauci*):

***He** [Dr. Fauci**] believes our strong bureaucracy and his corrupt allies in Congress will defend him till the end. He thinks he can avoid accountability completely.* */ Он [д-р. Фаучи] считает, что наша сильная бюрократия и его коррумпированные союзники в Конгрессе будут защищать его до конца. Он думает, что сможет полностью избежать ответственности.*

Структурно-семантические особенности тем политических email-рассылок проявляются на уровне супраграфемики (размер и особенности шрифта), лексики (метафоры, эпонимия, сочетание лексики различных стилей), синтаксиса (повелительное наклонение, номинативные конструкции).

Возможности использования различных графических приемов при написании темы письма ограничены технической стороной процесса. В связи с этим в названиях тем электронных писем используется прием капитализации, а также намеренное написание темы без использования

заглавной буквы. Прием капитализации способствует выразительности и привлечению дополнительного внимания к теме в целом или к его отдельной части. Так в следующем примере автор не использует заглавную букву в написании первого слова темы электронного сообщения, акцентируя внимание адресата на необходимость продолжения борьбы за власть:

this election is NOT OVER (13.06.2021, 04:17) */ эти выборы еще НЕ ОКОНЧЕНЫ.*

В лексическом оформлении тем политических email-рассылок представлены множественные случаи использования милитарных метафор, сочетание нейтральной и разговорной лексики, прием эпонимии.

Милитарная метафора – неотъемлемый компонент языка политики, а политические конфронтации в период выборов сопоставимы с батальными сценами. Таким образом, включение милитарных метафор в структуры тем политического электронного сообщения создает атмосферу противостояния, агональности происходящего.

Приведем несколько примеров тем политического электронного сообщения, содержащего метафоры фрейма «Ведение боевых действий»:

Help me fight for my freedom, Patriot (13.06.2021, 04:17) */ Помоги мне бороться за мою свободу, Патриот.*

We're still in this fight (11.06.2021, 03:10) */ Мы все еще в этой борьбе.*

Для создания образа «своего» человека в темах политических email-рассылок сочетается лексика нейтрального и разговорного стилей:

Fauci wants you masked, Google wants you gagged (09.06.2021, 01:28) / *Фаучи желает, чтобы вы были в маске, желание Google – заткнуть вам рот.*

Использование разговорного *gag / зд. заткнуть* рот, а не другой нейтральной по стилю лексической единицы способствует созданию острой ситуации, связанной с действиями государственных деятелей по умалчиванию вопросов вакцинации от коронавируса и ее последствиями.

Особый исследовательский интерес вызывает использование приема эпонимии в качестве темы политической email-рассылки. Данный прием характеризуется как наделение имен известных деятелей (в том числе и политических) законам, теориям или явлениям.

Например,

Re: ***Wolf's veto (09.06.2021, 01:28) /*** *Re: Вето Вольфа*

В данном примере тема электронного сообщения связана с решениями губернатора Пенсильвании Тома Вольфа (*Tom Wolf*) блокировать (налагать вето) определённые законопроекты или статьи бюджета в период его пребывания на посту. Префикс Re в теме означает *«В отношении» (Regarding*) или *«Ответ на»*, указывая, что письмо является ответом или относится к предыдущей переписке. Предположим, что такого рода электронные письма с подобным вариантом оформления темы будут восприниматься адресатом как важное сообщение, требующее незамедлительного ознакомления.

С позиции синтаксического оформления тем политических email-рассылок они представлены в виде простых предложений, реже словосочетаний. Особый интерес вызывает использование повелительных наклонений в темах электронных писем, интерпретируемых как непосредственный призыв к действиям: ***Don't listen to the media (13.06.2021, 04:17)*** */ Не слушайте СМИ.* Взывая, к чувству гражданского долга автор рассылки использует обращение *patriot / патриот*: ***Fauci LIED AGAIN, Patriot! (13.06.2021, 04:17)*** / Фаучи СНОВА ЛГАЛ, Патриот!

Выводы

Изучение специфики стилистической организации тем писем политической email-рассылки позволяет внести существенные лингвопрагматические дополнения в описание жанрового своеобразия данного медиатекста. Знакомство адресата с содержанием электронного

сообщения начинается с темы, являющейся одним из элементов структуры письма. Особенности композиции и стилистические приемы, используемые автором политической email-рассылки, напрямую влияют на установление или разрыв в коммуникации между адресатом и адресантом в опосредованных сетью Интернет условиях.

Литература

1. *Желтухина М.Р.* Медиаизмерение политического дискурса в XXI веке: фобии – фейки – интертеймент / М.Р. Желтухина. // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: коллективная монография / под научной редакцией Н.А. Боженковой, П.А. Катышева. Москва: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 150–169.

2. *Желтухина М. Р., Спорова И.П.* Мультимедиальность американской политической email-рассылки: гибридные и поликодовые медиатексты. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 169–184.

3. *Иванова Е.Н.* Трансформация жанра письма в Интернет-коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhanra-pisma-v-internet-kommunikatsii (дата обращения: 06.11.2025).

4. *Лутовинова О.В.* Спам как одна из разновидностей жанра электронного письма / О.В. Лутовинова // Вестник ТГУ. 2008. Выпуск 1 (57). С. 189–194. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spam-kak-odna-iz-raznovidnostey-zhanra-elektronnogo-pisma (дата обращения: 07.11.2025).

5. *Спорова И.П.* Политическая email-рассылка в США: медиастилистика – лингвосемиотика – прагмалингвистика / И. П. Спорова, М. Р. Желтухина //

Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия : сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 04-06 февраля 2021 г.) / ответственные редакторы Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. Москва: Факультет журналистики МГУ, 2021. С. 467–468.

6. *Спорова И.П.* Прагматический потенциал базовых лексико-грамматических категорий в жанре «политическая email-рассылка» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 3. С. 208–224.

7. *Спорова И.П.* Стилистические особенности синтаксических средств воздействия в жанре «политическая email-рассылка // Международный научно-исследовательский журнал. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. 2023. Вып. 3(129). URL: https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.34 (дата обращения: 30.11.2025).

8. *Тюкаева Н.И., Бринев К.И.* Тексты естественной письменной речи как объект жанрового анализа: проблема метода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 99–110.

9. *Bell, A.* Language and the Media / A. Bell. – Текст: непосредственный // Annual Review of Applied Linguistics. – 1995. – Vol. 15. – P. 23–41.

10. *Crystal, D*. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2007. – 272 p.

References

1. *Zheltuhina M.R*. (2021). Mediaizmerenie politicheskogo diskursa v XXI veke: fobii – fejki – intertejment / M R. Zheltuhina. // Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa: kollektivnaja

monografija / pod nauchnoj redakciej N. A. Bozhenkovoj, P. A. Katysheva. Moskva: GIRJa im. A. S. Pushkina. 150–169.

2. *Zheltuhina M.R., Sporova I.P.* (2022) Mul'timedial'nost' amerikanskoj politicheskoj email-rassylki: gibridnye i polikodovye mediateksty. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki, 1, 169–184.

3. *Ivanova E.N.* (2020) Transformacija zhanra pis'ma v Internet-kommunikacii // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa, 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhanra-pisma-v-internet-kommunikatsii (data obrashhenija: 06.11.2025).

4. *Lutovinova O.V.* (2008) Spam kak odna iz raznovidnostej zhanra jelektronnogo pis'ma / O.V. Lutovinova // Vestnik TGU. 2008. Vypusk 1 (57). S. 189-194. Rezhim dostupa: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spam-kak-odna-iz-raznovidnostey-zhanra-elektronnogo-pisma (data obrashhenija: 07.11.2025).

5. *Sporova I.P.* (2021) Politicheskaja email-rassylka v SShA: mediastilistika – lingvosemiotika – pragmalingvistika / I.P. Sporova, M.R. Zheltuhina. // Zhurnalistika v 2020 godu: tvorchestvo, professija, industrija: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, 04-06 fevralja 2021 g.) / otvetstvennye redaktory E. L. Vartanova, Ja. N. Zasurskij. Moskva: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 467–468.

6. *Sporova I.P.* (2022) Pragmaticheskij potencial bazovyh leksiko-grammaticheskih kategorij v zhanre «politicheskaja email-rassylka» // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki, 3, 208–224.

7. *Sporova I.P.* (2023) Stilisticheskie osobennosti sintaksicheskih sredstv vozdejstvija v zhanre «politicheskaja email-rassylka // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Teoreticheskaja, prikladnaja i sravnitel'no-sopostavitel'naja lingvistika, 3(129). URL: https://rulb.org/archive/3-39-2023-

march/10.18454/RULB.2023.39.34 (data obrashhenija: 30.11.2025).

8. *Tjukaeva N.I., Brinev K.I.* (2021). Teksty estestvennoj pis'mennoj rechi kak ob#ekt zhanrovogo analiza: problema metoda // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie, 20 (2) 99–110.

9. *Bell A.* (1995) Language and the Media / A. Bell. // Annual Review of Applied Linguistics, 15, 23–41.

10. *Crystal D.* (2007) Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge University Press, 272 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.11.2025 г.
Дата принятия статьи к публикации: 14.12.2025 г.

ХРОНИКА, ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 81'42:003.6

Гуня Ф.А.
Московский государственный лингвистический университет
119034, Остоженка, 38 стр.1
Москва, Россия
gunyaf@yahoo.com

БИЛЬДЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КРЕОЛИЗОВАННОГО (ПОЛИКОДОВОГО) ТЕКСТА

Аннотация. Цель настоящей работы обоснование применимости бильдлингвистического подхода к изучению креолизованных текстов в контексте отечественной лингвистической парадигмы. В ходе исследования применялись методы сравнительно-сопоставительного и терминологического анализа. Результаты демонстрируют концептуальную совместимость отечественного подхода к креолизованным текстам и бильдлингвистической методологии. Установлено, что бильдлингвистика, развивая идеи мультимодальности Г. Кресса и Т. ван Левена, интегрирует принципы отечественной семиотической традиции, предлагая инструментарий для преодоления бинарной оппозиции «вербальное — невербальное» через концепцию триединства образности.

Ключевые слова: бильдлингвистический подход, бильдлингвистика, креолизованный текст, поликодовый текст, мультимодальный текст, мультимодальность.

Gunya P.A.
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

BILDLINGUISTIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF CREOLIZED (POLYCODE) TEXTS

Abstract. The aim of this paper is to substantiate the applicability of the bildlinguistic approach to the study of creolized texts within the framework of the Russian linguistic paradigm. The study employed methods of comparative and terminological analysis. The findings demonstrate the conceptual compatibility of the Russian approach to creolized texts and bildlinguistic methodology. It is established that bildlinguistics, developing the ideas of multimodality by G. Kress and T. van Leeuwen, integrates the principles from the Russian semiotic tradition, offering a toolkit for overcoming the binary opposition of "verbal vs. non-verbal" through the concept of a triadic unity of imagery.

Keywords: bildlinguistic approach, bildlinguistics, creolized text, polycode text, multimodal text, multimodality.

Введение

Сочетание нескольких семиотических систем в одном тексте не является чем-то новым для человечества; однако развитие технологий существенно расширило возможности передачи информации, в частности, в пространстве медиакоммуникации. Вкупе с запросом на междисциплинарность это послужило импульсом к изучению креолизованных текстов – текстов, созданных на основе сразу нескольких семиотических систем.

В отечественной лингвистике можно выделить несколько исследовательских подходов к данному феномену, а также следует отметить, что на данный момент не существует единой терминологии по отношению к креолизованному тексту. Одну из первых попыток концептуализации предприняли Г.В. Ейгер и В.Л. Юхт, предложив термин «поликодовый текст» и понимая под ним сочетание «естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы» [4, с. 107]. Этот семиотический подход рассматривает текст как составное образование из нескольких знаковых систем. Альтернативный термин «креолизованный текст» был введен Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым [5, с. 180] в русле лингвистики текста. Эта текстоцентрическая позиция в определенной степени разграничивает вербальную составляющую и остальные знаковые системы, присутствующие в подобных текстообразованиях, формируя оппозицию вербального и невербального, но при этом диалектически объединяя их в целостную структуру. Несмотря на различия, оба направления могут продуктивно комбинироваться; исследователи отмечают синонимичность их терминологического аппарата [2, с. 20]. Помимо этого, в области изучения КТ сформировались и другие исследовательские перспективы, как правило, сочетающиеся с вышеупомянутыми: так, лингвоцентрический подход акцентирует внимание на вербальной составляющей, в то время как

когнитивный рассматривает креолизованные тексты через призму когнитивной лингвистики.

Одним из новейших крупных направлений является психолингвистический подход, в рамках которого креолизованные тексты исследуются с точки зрения их воздействия на реципиента и особенностей восприятия. Применяя экспериментальные методы, исследователи разработали методику определения степени креолизации, охарактеризовав эту величину как «коэффициент креолизации» [3, с. 52]. Примечательно, что авторы исходят из положения о том, что любой «естественный» текст (в их терминологии – возникающий спонтанно, в противоположность искусственному, специально созданному человеком, с определенной целью) является креолизованным [Там же, с. 24].

В зарубежной традиции доминирующим направлением выступает мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ван Левена, определяемый самими авторами как «социально-семиотический» [10]. Именно на этом теоретическом фундаменте сформировался бильдлингвистический подход – обширное направление, интегрирующее многие элементы отечественных направлений (разработанные независимо). Представители этого направления позиционируют его как специфическую исследовательскую перспективу в рамках медиалингвистики и лингвистики текста.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью интеграции отечественной и зарубежной исследовательских парадигм в условиях возрастающей мультимодальности современной коммуникации; также следует отметить потребность исследователей в разработке междисциплинарного методологического инструментария для анализа сложных семиотических образований.

В связи с этим ставим следующие задачи исследования:

1. Реконструировать теоретико-методологические предпосылки формирования бильдлингвистического подхода в контексте теории мультимодальности.

2. Выявить структурные и концептуальные различия между отечественной традицией изучения креолизованных текстов и бильдлингвистической методологией в понимании природы данного феномена.

3. Обосновать возможность методологического синтеза обоих подходов для расширения инструментария исследования мультимодальных текстов.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в отечественной лингвистике предпринимается попытка концептуального сопоставления бильдлингвистического подхода с традицией изучения креолизованных текстов. Также в научный оборот вводится терминологический аппарат бильдлингвистики с обоснованием принципов его адаптации к русскоязычной научной парадигме.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении методологических перспектив отечественной лингвистики текста и медиалингвистики через экспликацию концептуальных оснований бильдлингвистики. Кроме того следует обозначить научную ценность выявления потенциала междисциплинарного диалога между различными традициями изучения креолизованных текстов.

Истоки бильдлингвистического подхода – мультимодальность Г. Кресса и Т. ван Левена

В зарубежной лингвистике исследование текстов, включающих в себя не только вербальную компоненту, связано с теорией мультимодальности. Именно на ней строится бильдлингвистический подход, сохраняя основную терминологию, не вступая в противоречие с ней, но органично базируясь на

ее теоретико-методологической основе. Основоположниками теории мультимодальности по праву считаются Г. Кресс и Т. ван Левен, чьи работы оказали значительное влияние на развитие современной семиотики текста.

Следует отметить, что, выдвигая теорию мультимодальности, Г. Кресс и Т. ван Левен опираются в первую очередь на системно-функциональную лингвистику М. Халлидея с её акцентом на социальной природе языка. Именно этим объясняется и их собственный подход, который они называют социально-семиотическим [10] и который рассматривает коммуникацию как социально детерминированный процесс [14, p. 6].

По мнению Г. Кресса и Т. ван Левена мультимодальный текст состоит из так называемых модусов (англ. *modes*), через которые передается вся релевантная информация в процессе коммуникации. Следует переводить данный термин именно как «модус», поскольку у авторов *modality* (англ.) / модальность является другим, отдельным термином, обозначающим такую категорию мультимодального текста, как степень истинности утверждения – фактически, изначально грамматическая категория, которую авторы применили к тексту в целом [14, pp. 154–174].

Можно сразу заметить, что их теория существенно отличается от отечественного подхода к креолизованному тексту (КТ), где все еще прослеживается сильное влияние традиционной письменной лингвистики и эксплицитно подчеркивается бинарная оппозиция «вербальность – невербальность» (как, например, в определении КТ Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [5, с. 180]). Однако эта особенность не является оппозиционной по отношению к понятию «мультимодальный текст» и тем более ко всей теории в целом. Так, под «модусами» авторы понимают социально сформированный и культурно обусловленный семиотический ресурс для придания сообщению смысла. Изображение, письменность, макет, музыка, жест, речь, движущееся изображение, звуковая дорожка и др.

рассматриваются в качестве таких модусов [10, p. 79] – то есть практически все то, что в отечественной теории понимается под компонентами креолизованного текста [1, с. 73], хотя и с иными акцентами и теоретическими импликациями.

Выделяя понятие «модус», авторы эксплицитно признают их знаковую природу (зачастую называя их «семиотическими модусами»), однако концептуально различают внутри знаковых систем то, что они используют для создания смысла (модус как семиотический ресурс), и то, как это материально воплощается в конкретных коммуникативных ситуациях – медиа как канал передачи информации. Как отмечает Г. Кресс: «Смыслы всегда передаются с помощью определенных медиа: книг или компакт-диска, включающего неподвижные и движущиеся изображения, речь, письменность...» [11, p. 111].

Остановимся подробнее на компоненте «социального» в мультимодальном подходе (авторы называют свой подход социально-семиотическим, подчеркивая его принципиальную ориентацию на социокультурный контекст). Согласно авторам, выбор модуса является культурно и исторически специфичным [14, p. 2]. Так, например, в одной из своих работ Г. Кресс и Т. ван Левен называют мономодальность определенным культурным предпочтением западной цивилизации – письменные тексты изначально оставались исключительно письменными, без иллюстраций, как и картины всегда писались на одной и той же традиционной основе (холст, масло) [13, p. 1].

Несмотря на употребление термина «мономодальность», который создает некую оппозицию мультимодальным текстам, авторы все же утверждают, что любой текст является мультимодальным [12, p. 186]. Следует отметить, что многие отечественные лингвистические исследования КТ основываются на бинарных оппозициях (вербальный – невербальный; поликодовый – монокодовый) и т. д., что несомненно всегда ставит

методологически сложный вопрос о том, какой текст следует считать креолизованным (поликодовым), а какой нет? Тем самым невольно сохраняя традиционный подход, где можно исследовать исключительно «письменный» текст без должного учета, к примеру, его паравербальных, типографических и пространственных свойств, которые также являются смыслообразующими. Однако это не является отличительной чертой всех отечественных подходов: например, психолингвистический подход исходит из положения, что любой естественный текст является креолизованным [3, с. 24].

Бильдлингвистический подход

Одним из значимых этапов развития теории мультимодальности стала концепция немецких ученых – концепция бильдлингвистики, представляющая собой качественно новый подход в осмыслении взаимодействия вербальных и визуальных компонентов текста. Начало данному новому направлению положил фундаментальный труд немецких ученых, опубликованный в 2011 году «Бильдлингвистика. Теории – Методы – Примеры» (нем. *«Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele»*) [7]. В данном программном сборнике авторы представляют новую концепцию изучения мультимодальных текстов, определяя её место в современной научной парадигме и демонстрируя её методологический потенциал.

Вопрос адекватного перевода термина «бильдлингвистика» на русский язык представляет собой не только терминологическую, но и концептуальную проблему. Мы переводим этот термин именно так, транскрибируя это слово – бильдлингвистика, поскольку альтернативные варианты перевода могут привести к терминологической путанице и концептуальным искажениям. Например, если бы мы перевели этот термин как «визуальная лингвистика», это создало бы неоднозначность, так как данный термин уже закреплен в немецком научном дискурсе применительно

к другим типам исследований. В частности, немецкий исследователь Н. Бубенхофер использует этот термин в отношении исследований визуализаций данных и их использования в языковых исследованиях [6].

Также следует обратить особое внимание на то, что компонент «*Bild*» (нем.)/картина, образ, изображение в данной композите нельзя редуцировать до узкого перевода «изображение»; этот термин охватывает более широкую и методологически значимую категорию «образности» в её различных манифестациях. Ключевым является то, что в термин «*Bild*» включается и вербальный, и когнитивный элемент (помимо визуального), что свидетельствует о принципиально интегративном характере подхода. Авторы подчеркивают, что данный термин следует понимать метафорически, и акцентируют внимание на том, что центральным элементом является изучение отношений между языком и изображением в креолизованных текстах [7, S. 9].

Таким образом, согласно определению авторов, под бильдлингвистикой следует понимать «исследование отношений между языком и образом в составе целостных текстовых образований, а также применение лингвистических концептов, моделей и методик к исследованию образа, преимущественно встроенного в массово-медийные формы коммуникации» [7, S. 9].

В данном определении можно отметить некую содержательную общность с отечественной теорией креолизованного текста, которая также концептуально подчеркивает структурно-семантическое слияние вербального и невербального компонентов в едином текстовом целом. Это сближение подходов несколько отличает бильдлингвистику от англоязычной теории мультимодальности Г. Кресса и Т. ван Левена, где фактически не выделяется приоритетная оппозиция «вербальное – невербальное» (язык – изображение), а все модусы рассматриваются как равноправные семиотические ресурсы в общей системе смыслопорождения.

Данная концептуальная общность бильдлингвистики с отечественным подходом не является случайной, но связана с опорой на более ранние фундаментальные исследования другого немецкого ученого К. Сакса-Хомбаха, проведенные в рамках науки об образах (нем. *Bildwissenschaft*), представляющей собой междисциплинарное направление, изучающее феномен изображения [16, S. 3]. В рамках исследований автора акцент изучения был сконцентрирован на образах в их широком понимании, включая визуальные элементы различной природы: при этом активно перенималась и адаптировалась определенная лингвистическая методология. К. Сакс-Хомбах в своём исследовании также последовательно поддерживает основополагающий тезис о том, что образы обладают знаковой сущностью, и что их адекватное научное исследование возможно только при сочетании семиотических и теоретико-перцептивных соображений [16, S. 12].

Наука об образах лежит и в предпосылках самого бильдлингвистического подхода – один из его основателей, Х. Штёкль, ещё в 2004 году выдвинул в одной из своих работ идею «триединства образности» (нем. *Dreifaltigkeit des Bildlichen*). Эта гипотеза заключается в структурной и функциональной взаимосвязи трех типов образности: визуальной (материальные, перцептивно воспринимаемые образы), языковой (вербальные образы, метафоры, образные выражения) и ментальной (когнитивные представления, визуальные концептуализации, ментальные модели) [18, S. 9].

Фактически, Х. Штёкль осуществил методологически значимый шаг, который послужил важной предпосылкой для выделения бильдлингвистического подхода: он не просто воспроизвел классическую диспозицию (вербальный – невербальный), характерную для большинства исследований креолизованных текстов, но расширил и трансформировал её, добавляя третье измерение – ментальную образность, которая традиционно

является сферой изучения когнитивной лингвистики. Это расширение аналитической рамки позволяет более полно описать процессы смыслообразования в мультимодальных текстах, включая когнитивные механизмы обработки и интеграции информации из источников, представленных различными семиотическими системами.

Главной целью работы Х. Штёкля «Язык в изображении – изображение в языке» (нем. *«Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache»*) выступает обоснование необходимости изучения изображений в лингвистике; а также легитимизация изображения как объекта исследования, что «бросает» вызов исключительно текстовому подходу [18, S. 5].

Данная фундаментальная работа послужила мощным теоретико-методологическим фундаментом и концептуальной платформой для последующего обоснования бильдлингвистического подхода. Помимо концепции так называемого «триединства образности», автор также систематически описывает и типологизирует многообразные языково-изобразительные связи, выделяя несколько качественно различающихся типов отношений между вербальным и визуальным компонентами креолизованного текста. Принципиально важно, что Х. Штёкль не ограничивается общей констатацией того факта, что текст по своей природе мультимодален, но идет дальше, предлагая таксономию способов, механизмов и стратегий, посредством которых язык и изображение взаимодействуют, комбинируются и интегрируются для создания целостного смысла текста [18, S. 253–283]. Эта таксономия может служить важным инструментом для эмпирического анализа креолизованных текстов.

В данной работе 2004 года Х. Штёкль также обосновывает необходимость систематической типизации и классификации изображений строго аналогично устоявшейся в лингвистике типологии текстов (нем. *Textsorten*), что позволило бы создать сопоставимый методологический аппарат. Ключевая теоретическая мысль заключается в фундаментальном

тезисе о том, что не существует некоего абстрактного «изображения вообще» как универсального семиотического объекта, а существуют только конкретные типы изображений, функционирующие и используемые в конкретных, специфических коммуникативных контекстах [18, S. 22].

Многие идеи из этой работы Х. Штёкля послужили теоретико-методологическим фундаментом для выделения бильдлингвистического подхода. В частности, концепция триединства образности: так, уже в основополагающем сборнике 2011 года, где был выделен термин «бильдлингвистика», слово «*Bild*» (картина, образ, изображение) в концептуальной системе данного подхода конституируется как сложная многоуровневая категория, которая охватывает три взаимосвязанных компонента текстообразования и смыслопорождения [7, S. 10].

В сборнике получилось также эмпирически верифицировать данную концепцию в связи с изучением специфического типа медиатекстов – так называемых «*Hörfilme*» (дословно «слуховые фильмы») – кинофильмов для слепых и слабовидящих людей, снабженных аудиодескрипцией (тифлокомментарием). Эти тексты представляют собой уникальный исследовательский материал, поскольку эксплицируют процесс трансформации визуальной информации в вербальную для создания ментальных образов.

Так, в контексте исследования аудиодескрипции в кинофильмах для слепых и слабовидящих У. Фикс в том же сборнике 2011 года ставит целью «изучить, как функционирует аудиодескрипция» [8, S. 313] – другими словами, как визуальная информация фильма (материальный образ) трансформируется и вербализуется посредством языка (вербальная знаковая система) для успешного создания адекватного ментального образа у слепого/слабовидящего реципиента. Таким образом, ментальный образ в

этой концептуальной триаде играет роль некого когнитивного эффекта, конечного результата процесса декодирования и интерпретации знаков реципиентом. У. Фикс справедливо отмечает, что профессиональные аудиодескрипторы должны обладать знанием о том, какие содержания представлений, какие конкретные ментальные образы устойчиво связаны с какими словами и выражениями [Там же, S. 310].

Интересным и методологически значимым в данной концепции является последовательное разграничение автором между различными типами образов на основании их семиотической природы и способа манифестации: так, звукоподражания (ономатопеи) У. Фикс обоснованно относит к материальным образам, поскольку они обладают прямой мотивированной связью с обозначаемым явлением. Тем самым автор концептуально отделяет «обычный» язык от феномена образности [8, S. 309].

Возвращаясь к сравнению отечественного, мультимодального и бильдлингвистического подхода: немецкие исследователи ещё более радикально подходят к тезису о том, что любой текст является мультимодальным. Сторонники бильдлингвистического подхода утверждают, что данный тезис позиционируется как последовательная декларация методологической невозможности существования так называемой «чистой вербальности» – равно как и чистой визуальности, – а также неразрывного единства и взаимодополняемости вербального и визуального [7, S. 10].

Следует также отметить, что и другие основополагающие идеи мультимодальности были интегрированы бильдлингвистическим подходом: авторами также подчеркивается факт культурной и социальной обусловленности конвенций использования и интерпретации знаков (как и в теории мультимодальности) [7, S. 11]. Однако, всё же, в бильдлингвистическом подходе делается более четкий акцент на лингвистических и текстовых аспектах, по сравнению с более широким

социально-семиотическим подходом Г. Кресса и Т. ван Левена. В вышеприведенном определении бильдлингвистики указывается тот факт, что основополагающим в данном подходе является применение лингвистических концептов, моделей и методик к исследованию изображения.

Значимый вклад в теоретическое развитие и методологическую операционализацию бильдлингвистики также внесла немецкая исследовательница Ф. Гроссе. Монография Ф. Гроссе «Бильд-лингвистика» (нем. «*Bild-Linguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen*») представляет собой масштабную фундаментальную работу, направленную на разработку лингвистических методов эмпирического анализа изображений в текстах и дискурсах [9]. Опираясь на функционально-прагматический подход к языку и тексту [Там же, S. 19], Ф. Гроссе предприняла попытку разработать комплексный лингвистический аппарат для систематического анализа изображений во взаимодействии с вербальным текстом, а также предложила модель анализа, которая учитывает структурные, семантические, прагматические и функциональные аспекты изображений в их взаимосвязи [10, S. 8–9].

По сути, автор ставила перед собой те же фундаментальные исследовательские задачи, что и Х. Штёкль с коллегами в своих предшествующих и последующих работах [18; 7]. В частности, преодоление существующего междисциплинарного разрыва, искусственной демаркационной линии между традиционной лингвистикой и исследованиями визуальной коммуникации, последовательно признавая изображения равноправными, равностатусными знаковыми системами наряду с естественным языком [9, S. 15]. Одной из целей данной монографии автор называет разработку практически применимого аналитического инструментария для проведения «лингвистического бильд-анализа»

(нем. *linguistische Bildanalyse*) – в конкретных эмпирических исследованиях [9, S. 20–22].

В своей работе Ф. Гроссе представляет поэтапную модель анализа креолизованных текстов. Следует отметить, что автор в своём исследовании рассматривает КТ со статичной визуальной составляющей. В терминологии автора данный тип креолизованного текста обозначается как язык-изображение-текст (нем. *Sprache-Bild-Text*). Кроме того, Ф. Гроссе вводит термин языковой текст (нем. *Bild-Text*) для обозначения визуальных знакообразований в контексте либо письменного текста, либо социально-культурной коммуникативной ситуации, а также термин изображение-текст (нем. *Sprach-Text*) для вербальных знакообразований [9, S. 32–33]. Использование данной терминологии помогает автору выделить минимальные компоненты КТ.

Первая ступень анализа предполагает рассмотрение экстралингвистических контекстуальных факторов КТ: формы коммуникации, сферы действия, отношений между автором и реципиентом. Вторая ступень предполагает разделение КТ на две составляющие – (*Bild-Text* (нем.)/изображение-текст) и вербальную (*Sprach-Text* (нем.)/языковой текст) – и раздельный анализ интралингвистических факторов. К таким факторам относятся коммуникативно-функциональный, тематико-структурный и грамматико-структурный аспекты данных компонентов. Следует отметить анализ визуального компонента, осуществляемый на нескольких уровнях: от целостной иконической системы (нем. *ikonisches Bild-System*) до отдельных фигур и морфем изображения (нем. *Figura/Bild-Morpheme*), с учётом таких параметров, как свет, перспектива, контраст и других визуальных характеристик. Первая ступень синтеза направлена на определение общей функции текста и установление его типа (нем. *Textsorte*), а также на выявление соотношения визуальной и вербальной информации с позиции общей текстовой и смысловой структуры, а также способов визуализации.

Данная ступень включает в себя еще и анализ интертекстуальных связей гипертекста и дискурса. Заключительным этапом синтеза выступает интеграция полученных результатов в комплексную оценку. Исследователь должен сформулировать итоговое суждение о коммуникативном эффекте КТ, оценивая корреляцию коммуникативной интенции и достигнутого результата, соответствие структуры текста его типу, характер тематического развёртывания и стилистическую адекватность (эстетический аспект) [9, S. 248–252].

Таким образом, представленная модель являет собой обширный инструментарий для описания феномена КТ, его вербальной и визуальной составляющих, а также их взаимосвязи, что обеспечивает возможность анализа комплексных семиотических систем. Кроме того, в рамках данной модели Ф. Гроссе конституирует изображения как полноценный объект лингвистического анализа, используя языковые категории в качестве методологического ориентира. В частности, Ф. Гроссе пытается сегментировать изображения на минимальные значимые единицы, функционально аналогичные языковым [9, S.40 – 97], и применяет данную сегментацию в разработанном ею лингвистическом бильд-анализе.

Вместе с тем обращает на себя особое внимание существенное расхождение в терминологическом аппарате с бильдлингвистической концепцией Х. Штёкля и его коллег, что отмечается в одной из рецензий на данную монографию [15, S. 37]. Ключевое различие состоит в следующем: Ф. Гроссе понимает и интерпретирует термин «бильдлингвистика» в своей работе не в метафорическом, переносном смысле, как это делают Х. Штёкль и другие основатели направления, а в прямом, буквальном значении. Фактически, Ф. Гроссе предприняла попытку наложить традиционный лингвистический каркас (в частности, синтаксис, семантику и прагматику), разработанный для естественного языка, непосредственно на

принципиально иной феномен визуальности, чтобы сделать его доступным для лингвистического описания по образцу описания языковых структур – путем построения прямых структурных и функциональных аналогий с устоявшимися уровнями языка.

Х. Дикманншенке, М. Клемм, Х. Штёкль и другие авторы в своей основополагающей работе 2011 года исходят из принципиально иной теоретической позиции: знаковые системы изображения и естественного языка являются разными семиотическими феноменами, различаясь структурно, семантически и прагматически [7, S. 9]. Именно поэтому авторы настаивают на метафорическом, переносном понимании термина «бильдлингвистика» – не как буквальной «лингвистики изображения», предполагающей как бы прямой перенос лингвистических категорий на визуальный материал, а как особого междисциплинарного исследования сложных, многоуровневых отношений между языком и изображением в составе целостных креолизованных текстов – однако, с применением лингвистических методик. В этом смысле можно сказать, что подход Ф. Гроссе является более «радикально»-лингвистическим, чем подход Х. Штёкля и других представителей данного направления.

На данный момент оба подхода доказали свою состоятельность эмпирическими исследованиями в области креолизованных текстов. Вторая часть сборника Х. Дикманншенке, М. Клемма, Х. Штёкла 2011 года полностью состоит из описания таких исследований – причём не только КТ со статичными изображениями, но и с динамичными.

Из относительно новых исследований можно отметить работу «Изображения – вывески – язык» (нем. *«Bilder –Schilder – Sprache»*) И. Шульце, где анализируется семиотика публичного пространства (улиц, торговых центров) как многомодального ландшафта: автор анализирует комплексное взаимодействие изображений, вывесок (как физических объектов) и языка в городской среде, беря за теоретико-методологический фундамент

бильдлингвистический подход – также указывая прямо на использование параметров анализа, предложенных Ф. Гроссе [17, S. 13].

Заключение

Проведенное анализ позволяет констатировать концептуальную совместимость и методологическую продуктивность бильдлингвистического подхода для изучения креолизованных текстов в рамках отечественной лингвистической парадигмы. Установлено, что бильдлингвистика, развивая базовые идеи теории мультимодальности Г. Кресса и Т. ван Левена, демонстрирует значительную концептуальную общность с отечественным подходом к креолизованным (поликодовым) текстам, поскольку оба исходят из признания структурно-семантического единства вербальных и невербальных компонентов в составе целостного текстового образования. Принципиально важно, что в отличие от англоязычной теории мультимодальности, где все модусы рассматриваются как равноправные семиотические ресурсы, бильдлингвистика все же сохраняет акцент на оппозиции «язык – изображение», что делает её концептуально более близкой к отечественной традиции.

Ключевым теоретико-методологическим достижением бильдлингвистического подхода является концепция «триединства образности», которая расширяет традиционную диспозицию «вербальное – невербальное» через включение третьего измерения – ментальной образности. Эта концептуальная триада предлагает методологический инструментарий для преодоления дихотомического подхода и позволяет более полно описать когнитивные механизмы обработки и интеграции информации из источников, созданных на основе различных семиотических систем, в процессе смыслового восприятия креолизованных текстов. Особую практическую значимость представляет разработанный в рамках

бильдлингвистики аналитический инструментарий: систематическая таксономия языково-изобразительных отношений и параметры эмпирического анализа изображений в текстовом контексте.

Таким образом, интеграция бильдлингвистического подхода в отечественную научную парадигму не требует отказа от существующих теоретических оснований изучения креолизованных текстов, но предполагает их органичное расширение и методологическое обогащение. Адаптация бильдлингвистической терминологии и аналитических процедур к русскоязычному научному дискурсу открывает перспективы для углубленного междисциплинарного изучения креолизованных текстов в условиях возрастающей сложности современной коммуникации.

Литература

1. *Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–78.

2. *Вашунина И.В., Ильина В.А.* Визуальное представление вербальных характеристик (на материале русского, английского, немецкого языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 19–26. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_3_19.

3. *Вашунина И.В.* Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с. ISBN 978-5-6045633-1-1.

4. *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974. Ч. I. С. 103–109.

5. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.

6. *Bubenhofer N.* Visual Linguistics: Plädoyer für ein neues Forschungsfeld / N. Bubenhofer // Visualisierung sprachlicher Daten: Visual Linguistics – Praxis – Tools / eds. N. Bubenhofer, M. Kupietz. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 25–62. DOI: 10.17885/heiup.345.474.

7. *Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H. (Hrsg.).* Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. 375 S. (Philologische Studien und Quellen; Bd. 228). ISBN 978-3-503-12259-2.

8. *Fix U*. Bilder wahrnehmen, ohne zu sehen? Bildlichkeit in der Audiodeskription von Hörfilmen // Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele / Hrsg. H. Diekmannshenke, M. Klemm, H. Stöckl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. S. 303–329. (Philologische Studien und Quellen; Bd. 228). ISBN 978-3-503-12259-2.

9. *Große F.* Bild-Linguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2011. 301 S. (Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte; Bd. 50). ISBN 978-3-653-04565-9. DOI: 10.3726/978-3-653-04565-9.

10. *Kress G.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Abingdon: Routledge, 2010. 212 p. ISBN 978-0-415-32060-3 (hbk), ISBN 978-0-415-32061-0 (pbk), ISBN 978-0-203-97003-4 (ebk).

11. *Kress G.* Reading images: Multimodality, representation and new media // Information Design Journal + Document Design. 2004. Vol. 12, No. 2. P. 110–119. DOI: 10.1075/idjdd.12.2.03kre. ISSN 0142-5471.

12. *Kress G., van Leeuwen T.* Front Pages: (The Critical) Analysis of Newspaper Layout // Approaches to Media Discourse / eds. A. Bell, P. Garrett. Oxford: Blackwell, 1998. P. 186–219.

13. *Kress G., van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001. 142 p. ISBN 0-340-66282-1 (hb), ISBN 0-340-60877-3 (pb).

14. *Kress G., van Leeuwen T.* Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2006. 291 p. ISBN 978-0-415-31914-0 (hbk), ISBN 978-0-415-31915-7 (pbk), ISBN 978-0-203-61972-8 (ebk).

15. *Müller C.M.* [Рецензия] // Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft. 2013. Bd. 5, H. 1. S. 36–45. Рец. на кн.: Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H. (Hg.). Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011; Große F. Bild-Linguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. DOI: 10.1515/zrs-2013-0008.

16. *Sachs-Hombach K.* Das Bild als kommunikatives Medium: Elemente einer allgemeinen Bildwissenschaft. 3., überarbeitete Neuauflage. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013. 366 S. ISBN 978-3-86962-084-8.

17. *Schulze I.* Bilder – Schilder – Sprache: Empirische Studien zur Text-Bild-Semiotik im öffentlichen Raum. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2019. 251 S. (Tübinger Beiträge zur Linguistik; Bd. 567). ISBN 978-3-8233-8298-0. ISSN 0564–7959.

18. *Stöckl H.* Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache: Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte · Theorien · Analysemethoden. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. 421 S. (Linguistik — Impulse & Tendenzen; Bd. 3). ISBN 3-11-018027-8. ISSN 1612–8702.

References

1. *Anisimova E.E.* Paralingvistika i tekst (k probleme krealizovannykh i gibridnykh tekstov) // Voprosy yazykoznaniya. 1992. № 1. S. 71–78.

2. *Eiger G.V., Yukht V.L.* K postroeniyu tipologii tekstov // Lingvistika teksta: materialy nauchnoy konferentsii pri MGPIYa im. M. Toreza. M., 1974. Ch. I. S. 103–109.

3. *Sorokin Yu.A.* Krealizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya / Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. M.: Vysshaya shkola, 1990. S. 180–186.

4. *Vashunina I.V.* (otv. red.) Krealizovannyy tekst: Smyslovoye vospriyatiye. Kollektivnaya monografiya / Red. koll.: Ye.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveyev. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2020. 206 s. ISBN 978-5-6045633-1-1.

5. *Vashunina I.V., Il'ina V.A.* Vizual'noe predstavlenie verbal'nykh kharakteristik (na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo yazykov) // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2023. Vyp. 9, № 3. S. 19–26. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_3_19.

6. *Bubenhofer N.* Visual Linguistics: Plädoyer für ein neues Forschungsfeld / N. Bubenhofer // Visualisierung sprachlicher Daten: Visual Linguistics – Praxis – Tools / eds. N. Bubenhofer, M. Kupietz. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 25–62. DOI: 10.17885/heiup.345.474.

7. *Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H. (Hrsg.).* Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. 375 S. (Philologische Studien und Quellen; Bd. 228). ISBN 978-3-503-12259-2.

8. *Fix U.* Bilder wahrnehmen, ohne zu sehen? Bildlichkeit in der Audiodeskription von Hörfilmen // Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele / Hrsg. H. Diekmannshenke, M. Klemm, H. Stöckl. Berlin: Erich Schmidt

Verlag, 2011. S. 303–329. (Philologische Studien und Quellen; Bd. 228). ISBN 978-3-503-12259-2.

9. *Große F.* Bild-Linguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2011. 301 S. (Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte; Bd. 50). ISBN 978-3-653-04565-9. DOI: 10.3726/978-3-653-04565-9.

10. *Kress G.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Abingdon: Routledge, 2010. 212 p. ISBN 978-0-415-32060-3 (hbk), ISBN 978-0-415-32061-0 (pbk), ISBN 978-0-203-97003-4 (ebk).

11. *Kress G.* Reading images: Multimodality, representation and new media // Information Design Journal + Document Design. 2004. Vol. 12, No. 2. P. 110–119. DOI: 10.1075/idjdd.12.2.03kre. ISSN 0142-5471.

12. *Kress G., van Leeuwen T.* Front Pages: (The Critical) Analysis of Newspaper Layout // Approaches to Media Discourse / eds. A. Bell, P. Garrett. Oxford: Blackwell, 1998. P. 186–219.

13. *Kress G., van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London: Arnold, 2001. 142 p. ISBN 0-340-66282-1 (hb), ISBN 0-340-60877-3 (pb).

14. *Kress G., van Leeuwen* T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2006. 291 p. ISBN 978-0-415-31914-0 (hbk), ISBN 978-0-415-31915-7 (pbk), ISBN 978-0-203-61972-8 (ebk).

15. *Müller C.M.* // Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft. 2013. Bd. 5, H. 1. S. 36–45. Рец. на кн.: Diekmannshenke H., Klemm M., Stöckl H. (Hg.). Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011; Große F. Bild-Linguistik. Grundbegriffe und Methoden der linguistischen Bildanalyse in Text- und Diskursumgebungen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. DOI: 10.1515/zrs-2013-0008.

16. *Sachs-Hombach K.* Das Bild als kommunikatives Medium: Elemente einer allgemeinen Bildwissenschaft. 3., überarbeitete Neuauflage. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013. 366 S. ISBN 978-3-86962-084-8.

17. *Schulze I.* Bilder – Schilder – Sprache: Empirische Studien zur Text-Bild-Semiotik im öffentlichen Raum. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2019. 251 S. (Tübinger Beiträge zur Linguistik; Bd. 567). ISBN 978-3-8233-8298-0. ISSN 0564–7959.

18. *Stöckl H.* Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache: Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte · Theorien · Analysemethoden. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. 421 S. (Linguistik — Impulse & Tendenzen; Bd. 3). ISBN 3-11-018027-8. ISSN 1612–8702.

Дата поступления статьи в редакцию: 2.12.2025 г.
Дата принятия статьи к публикации: 27.12.2025 г.

УДК 81'23

Карасик В.И.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
117485, ул. Академика Волгина, 6
Москва, Россия
vkarasik@yandex.ru

ДЕСТРУКТИВНАЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Аннотация. Рассматривается политкорректность как соблюдение определенных норм поведения, направленных на признание прав других быть другими и уважение представителей меньшинства, является несомненной заслугой общества, стремящегося к достижению социальной гармонии. Политкорректность соотносится с вежливостью и противопоставляется поведению, в основе которого лежит неуважение к другим. Существуют определенные отклонения от политкорректного коммуникативного поведения, которые можно квалифицировать как деструктивную политкорректность. К таким отклонениям относятся манипулятивное использование знаков уважения к другим, формализация этих знаков, провокационное навязывание всему обществу приоритетов меньшинства и карнавально-смеховое переворачивание этих знаков.

Ключевые слова: политкорректность, эвфемизация, манипуляция, формализация, провокация, карнавализация.

Karasik V.I.
The Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

DESTRUCTIVE POLITICAL CORRECTNESS AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON: SUMMARY OF MAIN PROVISIONS

Abstract. The paper deals with political correctness as adherence to certain behavioral norms aimed at recognizing the rights of others to be different and respecting representatives of minority groups. This is undeniably a merit of a society striving for social harmony. Political correctness is related to politeness and stands in contrast to behavior rooted in disrespect for others. There are specific deviations from politically correct communicative behavior that can be classified as destructive political correctness. Such deviations include the manipulative use of signs of respect for others, the formalization of these signs, the provocative imposition of minority priorities on society as a whole, and the carnival-like, humorous subversion of these signs.

Keywords: political correctness, euphemization, manipulation, formalization, provocation, carnivalization.

Одной из знаковых характеристик современной эпохи является политкорректность – сознательное замещение нейтральными обозначениями тех номинаций, которые могут быть осмыслены как ущемляющие права определенных представителей общества. Такое замещение продиктовано стремлением достичь равенства в позиционировании разных индивидов, социальных групп и устранить возможность причинения им морального ущерба. Наиболее ярко это проявляется по отношению к женщинам, пожилым людям, представителям расовых и национальных меньшинств, а также лицам с нестандартной сексуальной ориентацией. Осмысление политкорректности привлекает к себе внимание многих исследователей: Вашурина Е.А., Ионин Л.Г., Кожемякина В.А., Леонтович О.А., Палажченко М.Ю., Панин В.В., Ровинская Т.Л., Савватеева Л.В., Тер-Минасова С.Г., Шемшуренко О.В., Шляхтина Е.В. [3; 8; 13; 14; 18; 19; 21; 23; 25; 29; 30]. Эта проблематика активно обсуждается в публицистике [5].

В лингвистическом плане основным инструментом политической корректности считается использование эвфемизмов – тех лексико-фразеологических единиц, которые замещают грубые, непристойные и табуируемые слова и выражения; при этом участники общения однозначно понимают подразумеваемые обозначения и стремятся к соблюдению приличий. Обычно табуируются обозначения стигматизируемых явлений, физических отправлений, отклонений в поведении, опасностей и т.д. [1; 2; 4; 7; 9; 10; 12; 15; 16; 17; 20; 22; 24; 26; 27; 28].

Вместе с тем следует отметить, что было бы упрощением рассматривать соотношение между политкорректностью и эвфемизацией как корреляцию содержания и формы: политкорректность выражается не только эвфемизмами, проявляясь в разных типах коммуникативного поведения, а эвфемизмы, в свою очередь содержательно соотносятся с разными

коммуникативными ситуациями и типами поведения, включая вежливость, смягчение (митигацию), регулировку дистанции между участниками общения и т. д. При этом политкорректность противопоставляется анти-политкорректному и псевдо-политкорректному поведению, и эвфемизация контрастирует с дисфемизацией.

В основу работы положено предположение о том, что политкорректность может быть конструктивной и деструктивной; существуют разные способы проявления деструктивной политкорректности, такие способы могут быть объективно установлены и охарактеризованы. В качестве материала использовались примеры из словаря политических цитат (англ. *Oxford Dictionary of Political Quotations*) и тексты из масс-медиа, размещенные в интернете.

В социальном аспекте политкорректность представляет собой преодоление неравенства, в частности неравенства женщин и мужчин. В патриархальном обществе женщины должны были подчиняться мужчинам, это было закреплено в юридических нормах и традициях коллективного сознания. Активная борьба феминисток за права женщин привела к тому, что были устранены несправедливые ограничения и предвзятые мнения. Вместе с тем традиционное сознание, как известно, является достаточно инертным и поэтому в фольклоре, включая современный городской фольклор. Например анекдоты, женщины часто показаны в неприглядном свете по отношению к мужчинам.

Основным инструментом воздействия на массовое сознание для устранения социального неравенства стали средства массмедиа. Так, борцы за расовое равенство в США активно продвигали положительные образы чернокожих граждан, показывали их высокие моральные качества, открывали для них возможности получения высшего образования и престижных профессий.

Соотношение прав и установок во взаимоотношениях большинства и меньшинства было и будет динамическим. Можно выделить следующие этапы такого соотношения: 1) исходное неравенство меньшинства и ущемление прав его представителей, 2) борьба представителей меньшинства за свои права, при этом на стороне меньшинства часто выступают представители большинства, защищающие униженных и угнетенных, 3) закрепление юридического равенства представителей всех социальных групп, 4) постепенное достижение равенства всех в массовом сознании общества, 5) демонстративное акцентирование роли представителей миноритарных групп в жизни общества с целью изменения системы традиционных социальных установок и норм. Заключительный этап рассматриваемого положения дел имеет различные способы выражения в социальной практике и в ряде случаев может квалифицироваться как деструктивный тип коммуникативного поведения.

Обсуждение политкорректных способов коммуникативного поведения стало знаковым на Западе, прежде всего в англоязычном и немецкоязычном языковом пространстве. Появились списки политкорректных слов, которые следует использовать в политическом дискурсе. Более всего это затронуло гендерную сферу в языке. Предлагалось заменить традиционные слова с морфемами *-man* (перевод с англ. – человек/мужчина) и *-wife* (перевод с англ. – жена) на новые единицы, например спортсмен (англ. *sportsman)*, домохозяйка (англ. *housewife)*, любитель спорта (англ. *sports lover*), хранительница домашнего очага (англ. *home keeper*). Изменения коснулись и грамматики, вместо местоимений третьего лица в единственном числе (англ. *he, she*) стали использовать множественное число (англ. *they*). В немецком языке появились двойные формы с суффиксом женского рода в скобках. Активизировались попытки внедрить подобные языковые образования (феминитивы) и в русском языке (слова типа

«авторка»). В целом грамматическая система русского языка успешно сопротивляется таким нововведениям, они воспринимаются как своеобразная языковая игра.

Политкорректное формообразование включает гендерные обозначения, но выходит за их рамки. Показательны следующие замещения.

Гендерная сфера: домохозяйка (англ. *housewife*) – домашний технолог (*англ.* domestic engineer); муж (англ. *husband*) / жена (англ. *wife*) – партнёр (англ. *partner*); председатель (англ. *chairman*, с имплицитным указанием на мужской пол) – председатель (англ. *chairperson*, гендерно-нейтральный термин); почтальон (англ. *postman*) – почтовый служащий (англ. *mail carrier*); пожарный (англ. *fireman*) – работник пожарной службы (англ. *firefighter*); стюардесса (англ. *stewardess*) – бортпроводник (англ. *flight attendant*). Внедряется идея гендерно нейтрального обозначения, что, в частности, проявлялось в предложениях заменить традиционные слова с морфемами -*man* (перевод с англ., -человек/-мужчина) и -*wife* (перевод с англ., -жена) на новые единицы.

Экономическая сфера: бездомный (англ. *homeless*) – городской житель под открытым небом (англ. *outdoor urban dweller*); бедный (англ. *poor*) – экономически маргинализированный (англ. *economically marginalized*); иммигрант (англ. *immigrant*) – новоприбывший (англ. *newcomer*); трущобы (англ. *slum area*) – район, испытывающий экономические лишения (англ. *economically deprived area*); бродяга (англ. *tramp*) – человек без определённого места жительства (англ. *homeless person*); безработный (англ. *unemployed*) – экономически неактивный (англ. *economically inactive*). Эвфемистически замещается обозначение бедности.

Внешний вид, интеллект и здоровье: сумасшедший (англ. *insane*) – испытывающий сложности с восприятием реальности (англ. *reality challenged*); глупый (англ. *stupid*) – с нарушением интеллектуальных

способностей (англ. *intellectually impaired*); необразованный (англ. *unschooled*); толстый (англ. *fat*) – с чрезмерно активным обменом веществ (англ. *metabolic overachiever*); уродливый (англ. *ugly*) – визуально неблагоприятный (англ. *visually unfavorable*); вонючий (англ. *smelly*) – раздражающий обоняние (англ. *nasally disturbing*); глухой (англ. *deaf*) – нарушение слуха (англ. *hearing impairment*); болезнь (англ. *disease*) – расстройство (англ. *disorder*). Любые отклонения от нормы замещаются описательными выражениями.

Юридическая сфера: проститутка (англ. *prostitute*) – работник секс-индустрии (англ. *sex worker*); террорист (англ. *terrorist*) – борец за свободу (англ. *freedom fighter*); преступник (англ. *criminal*) – имеющий проблемы с поведением (англ. *behaviorally challenged*); ограбление (англ. *robbery*) – перераспределение богатства (англ. *wealth redistribution*); кража в магазине (англ. *shoplifting*) – шопинг не по правилам (англ. *irregular shopping*); убийство (англ. *murder*) – несанкционированное прекращение жизни (англ. *unauthorized termination of life*) [31].

Происходит перефразирование, замещение слов с отрицательно оценочным смыслом оценочно нейтральными описательными выражениями. Такие оценочно маркированные обозначения одинаковых референтов использовались и раньше (сравним: наши *разведчики* и вражеские *шпионы*). Отметим, что использование политкорректных номинаций становится индикатором политической ориентации участников общения: сторонники левых взглядов на политическое устройство в англоязычном мире придерживаются новых обозначений, их противники, занимающие правую часть политического спектра, высмеивают эти номинации. Подобные замещения часто производят комический эффект и используются сторонниками правых политических взглядов как насмешка в полемике со своими противниками.

Деструктивное коммуникативное поведение проявляется как в приватном, так и в публичном общении. В приватном общении это агрессия в ее различных формах, демонстрация неуважения, нарушение принятых норм общения. В публичном общении к этим формам поведения добавляются сознательные манипулятивные приемы подмены понятий и внедрения новых ориентиров мировосприятия, противоречащих доминантам культуры общества. Под манипуляцией понимается намеренное двуплановое коммуникативное действие, осуществляемое якобы в интересах адресата, но на самом деле обусловленное стремлением инициатора общения получить выгоду от совершаемого поступка. Основными каналами публичного общения, в которых проявляются эти манипулятивные приемы, являются политический, медийный и рекламный типы дискурса. Отметим, что в реальном общении в любом дискурсе можно выделить различные ситуативные характеристики, которые тесно взаимосвязаны, современный политический дискурс проявляется как медийно-политический с определенной долей рекламного продвижения тех или иных идей, ценностей и образов. Политкорректность в этой связи представляет собой языковой (и шире коммуникативный) инструмент для воздействия на общественное мнение для формирования определенных установок и стереотипных реакций.

Можно выделить несколько разновидностей деструктивной политкорректности.

К первому типу относится манипулятивная политкорректность, ее сущность состоит в замещении характеристик источника и обстоятельств действий, направленных на обеспечение нужных для манипулятора результатов, другими характеристиками, которые выглядят как морально достойные и полезные для всего общества.

Хрестоматийно известен пример сентенции Джона Кеннеди, бывшего президента США: «*Ask not what your country can do for you – ask what you can do for your country» – «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спрашивайте, что вы можете сделать для вашей страны».* Внешне это политическое высказывание акцентирует ответственность каждого гражданина за судьбу своей страны. Но возможна и критическая интерпретация этой фразы, если мы уточним, что на самом деле имеется в виду не страна, а правительство этой страны. Мы понимаем, что интересы правительства и интересы граждан могут достаточно сильно расходиться.

Объектом критики часто выступают популярные авторы политических колонок в средствах массовой информации. Показательно следующее высказывание американского журналиста Франклина Адамса: «*When the political columnists say "Every thinking man" they mean themselves, and when candidates appeal to "Every intelligent voter" they mean everybody who is going to vote for them». – Когда политические колумнисты говорят: «Каждый думающий человек», они имеют в виду себя, а когда кандидаты обращаются к «Каждому разумному избирателю», они имеют в виду тех, кто собирается голосовать за них»*. В этой ироничной фразе раскрывается манипулятивное замещение участников избирательного процесса: разумными признаются только те, голосует за продвигаемых определенными политиками кандидатов. Следовательно, противники этих кандидатов должны считаться глупцами.

В политической полемике часто используется прием провокационной похвалы, которая завершается опровержением положительной оценки. Британский премьер-министр Гарольд Макмиллан так отозвался о своих противниках в 1961 г.: *«As usual the Liberals offer a mixture of sound and original ideas. Unfortunately, none of the sound ideas is original and none of the original ideas is sound». – «Обычно либералы предлагают смесь здравых и оригинальных идей.*

К сожалению, ни одна из этих здравых идей не является оригинальной, и ни одна из оригинальных не может считаться здравой».

Приведенный пример иллюстрирует лингвориторическую традицию британского политического дискурса, в котором представители власти демонстрируют свое умение издевательски оценить своих оппонентов, оставаясь в рамках внешне уважительного к ним отношения.

Вторую разновидность деструктивной политкорректности составляют различные приёмы формализации уважения к тем группам населения, которые подвергались унижениям. Формализация превращает любое ценностно маркированное поведение в фикцию. Это особенно значимо для тех национально-культурных сообществ, для которых приоритетным качеством общения является искренность, а не соблюдение ритуальных правил поведения. Принято считать, что в англоязычной культуре высока степень формально-вежливых знаков уважения к коммуникативным партнерам по сравнению с традициями русской коммуникативной культуры. Это справедливо применительно к среднему классу в Британии и США, в то время как люди, находящиеся внизу или вверху на социальной этажерке, ведут себя более естественно и откровенно. Следует отметить, что формальное выражение уважения менее свойственно молодым людям, особенно подросткам. Главным способом выражения формальной политкорректности являются определенные жесты и этикетные фразы. Разумеется, граница между формальным и неформальным выражением политкорректности является весьма размытой.

С некоторыми оговорками к такому типу политкорректности можно отнести коммуникативное поведение полицейских в США, которым было предписано встать на одно колено в знак признания уважения по отношению к чернокожему населению страны после того, как в мае 2020 г. белым полицейским был убит афроамериканец и это вызвало массовые протесты по

всей стране. Знаком такого поведения стала формула «Black lives matter» – «Жизни чёрных имеют значение».

Третья разновидность деструктивной политкорректности может быть охарактеризована как намеренное продвижение определенного образа жизни, противопоставленного традиционному мировосприятию. Сюда относятся активные действия феминисток, представителей ЛГБТ[1] сообщества, а также сторонников определенной пищи. Психологически такое поведение представляет собой проявление истероидности, болезненного желания привлечь к себе внимание любой ценой.

Заслуживает внимания любопытная заметка о поведении активных феминисток:

Обозреватель 5-tv.ru Виктор Мараховский рассказал о феминизме, почему его можно сравнить с расизмом и за что его стоит бояться.

Нас с вами хотят перевоспитать. Крошечная и живущая неизвестно на чьи гранты, но гиперактивная группа феминисток из Санкт-Петербурга издала памятку о том, как отважной женщине в каменных джунглях офиса распознать сексистских монстров. Все очень просто.

Если мужчина делает коллеге-женщине комплимент — он монстр. Потому что комплимент — это либо приставание, либо обесценивание. Если мужчина не просит ее двигать шкафы — он тоже монстр. Потому что сомневается в ее физической мощи. Просит женщину организовать вечеринку — тоже монстр. Значит, не верит в ее трудовые качества. Кстати, если женщина-начальница продвигает мужчин, а не своих сестер по полу — то она тоже монстр.

И со всеми ними надо бороться. Скандалить, требовать и держать в страхе. Тут можно было бы, конечно, просто посмеяться и сказать «хорошо,

[1] Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

что у нас не Америка». Но не будем забывать — это пока у нас не Америка. В самой Америке еще каких-то двадцать лет назад с бешеных гендерных воительниц тоже покатывалось большинство населения. Сейчас уже никому не смешно, потому что сила на их стороне. По сути, толпа визгливых обиженок всех возможных полов держит в страхе некогда самую хищную и заточенную на доминирование нацию.

Что тут важно: наша нынешняя система отношений, в том числе отношений мужчин и женщин, конечно же, несовершенна. Ее легко ураганно разоблачать. Но вот система, которую воины меньшинств мечтают построить на развалинах той, что есть — вообще чистый идеологический тоталитаризм, в котором каждый аспект жизни, включая частную, должен регулироваться каким-то жутковатым революционным правосознанием.

И где равенством называется длинный свод не каких-то негласных, а вполне откровенных запретов для одних и привилегий для других. То есть тот же старый добрый расизм, только в профиль. И кстати. В той же Америке уже задумываются над тем, чтобы зацементировать эту новую реальность новыми скрепами и создать новые обязательные ритуалы.

The New York Times так прямо и пишет: множество мелких и средних ритуалов скрепляют общество. И, поскольку мы свои прежние ритуалы все победили — давайте заведем новые, под наше новое передовое общество.

Тут, конечно, богатый простор для фантазии. Ритуал принятия пожилого трансгендера в девочки. Обряд группового венчания свингеров. Церемония покаяния белых нормальных мужчин перед меньшинствами всей планеты. А тех, кто держится за старые, традиционные ритуалы и не хочет переходить на новые — уже потихоньку начинают наказывать.

Так что над нашими гендерными борцуньями с галантностью можно, конечно, смеяться. Но их стоит немного и побаиваться — чтобы однажды не проснуться в их мире [32].

Таким образом, разновидностью деструктивной политкорректности является навязывание ценностей определенной группы и демонстративных способов их проявления всему сообществу.

Можно выделить особый тип деструктивной политкорректности, который состоит в доведении до абсурда любых этикетных или ритуальных действий с целью их карнавального осмеяния.

Политический дискурс, как отмечает Е.И. Шейгал, включает три основных типа эвфемизации: 1) перекодировку с заменой оценочного знака, 2) снижение категоричности констатации факта, 3) увеличение референциальной неопределенности [28, с. 170]. Первый тип направлен на демонстрацию обострения политической борьбы и привлечение внимания к говорящему. Политик балансирует на грани допустимого публичного поведения и тем самым создает имидж активного участника полемики, поскольку сущность этого дискурса состоит в борьбе с конкурентами. Третий тип эвфемизации состоит в размывании признаков предмета речи. Оратор стремится сделать свою речь непонятной для аудитории и упражняется в красноречивом умалчивании. Таковы политкорректные перифрастические замены определенных объектов обозначениями с нулевой степенью информации. Второй тип эвфемизации сводится к нейтрализации фактов и их замене фейками. Такое публичное поведение является органической частью постмодернистской картины мира. Обратим внимание на динамику осмысления фейков в современном медийном пространстве. Раньше публика воспринимала тиражируемую в массмедиа информацию как достоверную, затем по мере срастания официальных медиа с огромным количеством блогов на первый план выходит развлекательная функция информирования, достоверность перестает быть главным индикатором авторитетности источника информации [11].

Заслуживает внимания создание виртуальных новостей, которые совершенно не соответствуют действительности. Активное внедрение искусственного интеллекта в медийную индустрию приводит к появлению новостных псевдособытий. В интернет-версии газеты New York Times от 21.07.2025 приводится информация о видеоролике, в котором показано, как агенты ФБР США задерживают бывшего президента Б. Обаму:

Президент Трамп перепостил поддельное видео, на котором бывший президент Барак Обама якобы арестован в Овальном кабинете, в то время как чиновники администрации Трампа продолжают обвинять мистера Обаму в попытках навредить кампании мистера Трампа на выборах 2016 года, и президент стремится переключить внимание с дел Эпштейна.

Короткое видео, которое, похоже, было сгенерировано искусственным интеллектом и было размещено в TikTok перед тем, как его перепостили на аккаунте мистера Трампа в Truth Social в воскресенье, появилось через несколько дней после того, как Офис директора национальной разведки опубликовал очередной отчет администрации Трампа, пытающийся подорвать восьмилетнюю оценку, согласно которой Россия поддерживала выборы мистера Трампа.

Видео, похоже, состоит из манипулированных кадров встречи в Овальном кабинете, которая состоялась в ноябре 2016 года между мистером Обамой, тогдашним президентом, и мистером Трампом, который всего несколько дней назад одержал победу над Хиллари Клинтон, кандидатом от демократов, на выборах.

Поддельное видео изображает агентов ФБР, врывающихся на встречу, заставляющих мистера Обаму встать на колени и надевающих на него наручники, в то время как мистер Трамп с улыбкой наблюдает за этим, пока звучит песня «Y.M.C.A.» группы Village People. Позже поддельное видео показывает мистера Обаму в оранжевом комбинезоне, который ходит по

камере. В начале видео показана компиляция реальных кадров с участием демократических лидеров, включая мистера Обаму и бывшего президента Джозефа Р. Байдена-младшего, которые говорят: «Никто не выше закона».

*(*англ. *President Trump reposted a fake video showing former President Barack Obama being arrested in the Oval Office, as Trump administration officials continue to accuse Mr. Obama of trying to harm Mr. Trump's campaign during the 2016 election, and the president seeks to redirect conversation from the Epstein files.*

The short video, which appears to have been generated by artificial intelligence and posted on TikTok before being reposted on Mr. Trump's Truth Social account on Sunday, comes days after the Office of the Director of National Intelligence issued the latest in a series of reports from the Trump administration trying to undermine the eight-year-old assessment that Russia favored the election of Mr. Trump.

The video appears to be manipulated footage of an Oval Office meeting that took place in November 2016 between Mr. Obama, then the president, and Mr. Trump, who days earlier had defeated Hillary Clinton, the Democratic nominee, in the election.

The fake video purports to show F.B.I. agents bursting into the meeting, pushing Mr. Obama into a kneeling position and putting him in handcuffs as Mr. Trump looks on smiling, while the song "Y.M.C.A." by the Village People plays. Later, the fake video shows Mr. Obama in an orange jumpsuit pacing in a cell. The start of the video shows a compilation of actual footage of Democratic leaders, including Mr. Obama and former President Joseph R. Biden Jr., saying, "no one is above the law.") [33]

Обратим внимание на смысл такого медийного воздействия на сознание публики. Видеоряд этого ролика показывает встречу президентов Д. Трампа и Б. Обамы, это фактическая часть содержания, затем бывшего президента арестовывают, и он предстает перед нами в оранжевой робе заключенного. Зрители понимают, что это развлекательный фейк. Звучит популярная танцевальная песня, американская аудитория хорошо знает ролик с танцующими под эту музыку молодыми людьми. В конце этого короткого

агитационного ролика бывшие президенты США произносят фразу, подтверждающую победу Д. Трампа на выборах. Политкорректность преподносится как балаган.

Резюмирую.

Политкорректность как соблюдение определенных норм поведения, направленных на признание прав других быть другими и уважение представителей меньшинства, является несомненной заслугой общества, стремящегося к достижению социальной гармонии. Политкорректность соотносится с вежливостью и противопоставляется поведению, в основе которого лежит неуважение к другим. Основным коммуникативным способом выражения политкорректности являются эвфемизмы, но она выражается также и другими способами демонстрации уважительного отношения к представителям других групп общества. Существуют определенные отклонения от политкорректного коммуникативного поведения, которые можно квалифицировать как деструктивную политкорректность. К таким отклонениям относятся манипулятивное использование знаков уважения к другим, формализация этих знаков, провокационное навязывание всему обществу приоритетов меньшинства и карнавально-смеховое переворачивание этих знаков.

Литература

1. *Баскова Ю.С.* Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 24 с.

2. *Ванюшина Н.А.* Семантическая и прагматическая характеристика эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 23 с.

3. *Вашурина Е.А.* Политкорректность как коммуникативная категория современного английского языка (на материале художественных и публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 21 с.

4. *Вильданова Г.А.* Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2008. 23 с.

5. *Галецкий В.Ф.* Скромное обаяние политкорректности. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 04.10.2006. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/633. (дата обращения: 24.11.2025).

6. *Глиос Е.С.* Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке на материале англоязычных Интернет-сайтов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2007. 22 с.

7. *Иванова О.Ф.* Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 26 с.

8. *Ионин Л.Г.* Общество меньшинств: политкорректность в современном мире: Препринт. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. 44 с.

9. *Кацев А.М.* Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие по спецкурсу. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. 80 с.

10. *Кипрская Е.В.* Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 17 с.

11. *Ковш М.И.* Авторитетность в новостном медийном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2024. 24 с.

12. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

13. *Кожемякина В.А.* Политическая корректность в современном публичном дискурсе (на материале русского, китайского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2024. 23 с.

14. *Леонтович О.А.* Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т.25. №1. С.194-220.

15. *Миронина А.Ю.* Политические эвфемизмы ак средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 19 с.

16. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: URSS, 2017. 262 с.

17. *Мухамедьянова Г.Н.* Эвфемия в общественно-политической лексике (на материале современного немецкого, русского и башкирского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2005. 28 с.

18. *Палажченко М.Ю.* Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале): автореф. дис. … канд. культурологии. М., 2004. 25 с.

19. *Панин В.В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 24 с.

20. *Порохницкая Л.В.* Концептуальная метафора в эвфемии: монография. М.: Спутник+, 2013. 369 с.

21. *Ровинская Т.Л.* Кризис политкорректности в западном медиапространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т.63. №7. С.102-110.

22. *Саакян Л.Н.* Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.

23. *Савватеева Л.В.* Идеи политкорректности и их воплощение в современном лингвориторическом пространстве (на материале русского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 21 с.

24. *Сеничкина Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

25. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

26. *Турганбаева Л.С.* Функциональная семантика эвфемизмов в современном французском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1989. 21 с.

27. *Чжан Чань.* Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингввопрагматический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 23 с.

28. *Шейгал Е.И.* Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность. Проблемы креативной семантики: к 70-летию профессора И.В. Сентенберг: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.158-171.

29. *Шемшуренко О.В.* Эвфемизмы сквозь призму теории политической корректности (на материале американских печатных изданий начала XXI века) // Филология и культура. 2013. №4 (34). С.144-151.

30. *Шляхтина Е.В.* Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 24 с.

31. Политкорректные слова и термины [Электронный ресурс]. – URL: https://bnp.org.uk/politically-correct-words (дата обращения: 25.11.2025).

32. Феминистки против сексистских монстров: Виктор Мараховский о гендерной борьбе [Электронный ресурс] // 5-tv.ru. – 2019. – 29 апреля. – URL:

https://www.5-tv.ru/news/248907/tolpa-vizglivyh-obizenok-protiv-seksistskih-montrov-viktor-marahovskij-ogendernoj-borbe (дата обращения: 24.11.2025).

33. The New York Times. Trump's Fake Video of Obama's Arrest. 21.07.2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/07/21/us/politics/trump-fake-video-obama-arrest.html (дата обращения: 24.11.2025).

References

1. *Baskova YU.S.* Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Krasnodar, 2006. 24 p.

2. *Vanyushina N.A.* Semanticheskaya i pragmaticheskaya harakteristika evfemizmov v sovremennyh nemeckih i rossijskih pechatnyh SMI: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2011. 23 p.

3. *Vashurina E.A.* Politkorrektnost' kak kommunikativnaya kategoriya sovremennogo anglijskogo yazyka (na materiale hudozhestvennyh i publicisticheskih tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2011. 21 p.

4. *Vil'danova G.A.* Gendernyj aspekt evfemizacii (na materiale anglijskogo yazyka): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ufa, 2008. 23 p.

5. *Galeckij V.F.* Skromnoe obayanie politkorrektnosti. // Elektronnaya publi¬ka¬ciya: Centr gumanitarnyh tekhnologij. 04.10.2006. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/633.

6. *Glios E.S.* Lingvokul'turnaya specifika formirovaniya i funkcionirovaniya evfemizmov v sovremennom anglijskom yazyke na materiale angloyazychnyh Internet-sajtov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Belgorod, 2007. 22 p.

7. *Ivanova O.F.* Evfemisticheskaya leksika anglijskogo yazyka kak otrazhenie cennostej angloyazychnyh kul'tur: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2004. 26 p.

8. *Ionin L.G.* Obshchestvo men'shinstv: politkorrektnost' v sovremennom mire: Preprint. M.: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshej shkoly ekonomiki, 2010. 44 p.

9. *Kacev A.M.* YAzykovoe tabu i evfemiya: ucheb. posobie po speckursu. L.: Izd-vo LGPI im. A.I. Gercena, 1988. 80 p.

10. *Kiprskaya E.V.* Politicheskie evfemizmy kak sredstvo kamuflirovaniya dejstvitel'nosti (na primere konflikta v Irake 2003-2004 gg.): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Izhevsk, 2005. 17 p.

11. *Kovsh M.I.* Avtoritetnost' v novostnom medijnom diskurse: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2024. 24 p.

12. *Kovshova M.L.* Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar' sovremennyh russkih evfemizmov. M.: Gnozis, 2007. 320 p.

13. *Kozhemyakina V.A.* Politicheskaya korrektnost' v sovremennom publichnom diskurse (na materiale russkogo, kitajskogo i anglijskogo yazykov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2024. 23 p.

14. *Leontovich O.A.* Politicheskaya korrektnost', inklyuzivnyj yazyk i svoboda slova: dinamika ponyatij // Russian Journal of Linguistics. 2021. T.25. №1. P.194-220.

15. *Mironina A.YU*. Politicheskie evfemizmy ak sredstvo realizacii strategii ukloneniya ot istiny v sovremennom politicheskom diskurse (na materiale publichnyh vystuplenij B. Obamy): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2012. 19 p.

16. *Moskvin V.P.* Evfemizmy v leksicheskoj sisteme sovremennogo russkogo yazyka. M.: URSS, 2017. 262 p.

17. *Muhamed'yanova G.N.* Evfemiya v obshchestvenno-politicheskoj leksike (na materiale sovremennogo nemeckogo, russkogo i bashkirskogo yazykov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ufa, 2005. 28 p.

18. *Palazhchenko M.YU.* Politicheskaya korrektnost' v yazykovoj i kul'turnoj tradicii (na anglijskom i russkom materiale): avtoref. dis. … kand. kul'turologii. M., 2004. 25 p.

19. *Panin V.V.* Politicheskaya korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Tyumen', 2004. 24 p.

20. *Porohnickaya* L.V. Konceptual'naya metafora v evfemii: monografiya. M.: Sputnik+, 2013. 369 p.

21. *Rovinskaya T.L*. Krizis politkorrektnosti v zapadnom media-prostranstve // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T.63. №7. P.102-110.

22. *Saakyan L.N.* Evfemiya kak pragmalingvisticheskaya kategoriya v diskursivnoj praktike nepryamogo rechevogo ubezhdeniya: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2010. 23 p.

23. *Savvateeva L.V*. Idei politkorrektnosti i ih voploshchenie v sovremennom lingvoritoricheskom prostranstve (na materiale russkogo yazyka): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2008. 21 p.

24. *Senichkina E.P.* Slovar' evfemizmov russkogo yazyka. M.: Flinta: Nauka, 2008. 464 p.

25. *Ter-Minasova S.G.* YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. M.: Slovo, 2000. 624 p.

26. *Turganbaeva L.S*. Funkcional'naya semantika evfemizmov v sovremennom francuzskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 1989. 21 p.

27. *CHzhan CHan'.* Evfemizaciya v russkom i kitajskom yazykah: lingvokul'turologicheskij i lingvvopragmaticheskij aspekty: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2013. 23 p.

28. *SHejgal E.I*. Evfemizaciya v politicheskom diskurse // YAzykovaya lichnost'. Problemy kreativnoj semantiki: k 70-letiyu professora I.V. Sentenberg: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. P.158-171.

29. *SHemshurenko O.V.* Evfemizmy skvoz' prizmu teorii politicheskoj korrektnosti (na materiale amerikanskih pechatnyh izdanij nachala XXI veka) // Filologiya i kul'tura. 2013. №4 (34). P.144-151.

30. *SHlyahtina E.V.* YAzykovoj aspekt politkorrektnosti v angloyazychnoj i russkoj kul'turah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. YAroslavl', 2009. 24 P.

31. *Marahovskij V.* Politkorrektnye slova i terminy [Politically correct words and terms] [Elektronnyj resurs]. URL: https://bnp.org.uk/politically-correct-words (data obrashcheniya: 25.11.2025).

32. *Marahovskij V.* Feministki protiv seksistskih monstruv: stat'ya ob gendernoj bor'be [Feminists against sexist monsters: an article on gender struggle] [Elektronnyj resurs] // 5-tv.ru. 2019. 29 aprelya. URL: https://www.5-tv.ru/news/248907/tolpa-vizglivyh-obizenok-protiv-seksistskih-montrov-viktor-marahovskij-ogendernoj-borbe (data obrashcheniya: 24.11.2025).

33. The New York Times. Trump’s Fake Video of Obama’s Arrest. 21.07.2025. URL:https://www.nytimes.com/2025/07/21/us/politics/trump-fake-video-obama-arrest.html (дата обращения: 24.11.2025).

Дата поступления статьи в редакцию: 25.11.2025 г.
Дата принятия статьи к публикации: 23.12.2025 г.

УДК 81'23

Романов А.А.
Тверской государственный университет
пр-т. Чайковского, д. 70
Тверь, Россия
romanov_tgsha@mail.ru

СИМУЛЯКР, ФЕЙК ИЛИ ПОДОБИЕ: ОТ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ДО ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАКТИК БЕНЕФИЦИАРНОЙ ДИСКУРСИИ

Аннотация. В статье исследуется феномен фейкореальности как особого типа коммуникативной реальности, формируемой симулякрами, фейковыми сообщениями и вербальными практиками бенефициарного дискурса. На материале работ Е.Ф. Тарасова и Тверской лингвистической школы обсуждаются пограничные зоны между фактуальными и постправдивыми высказываниями, а также функционально-семантические разграничения понятий «факт», «истина», «ложь», «дезинформация», «диффамация». Показано, как вирусная меметичность, эмоциональная окрашенность и целенаправленная режиссура коммуникативных практик создают ловушки сознания адресата и способствуют принятию фейковой реальности за подлинную.

Ключевые слова: симулякр, фейк, постправда, фейкореальность, бенефициарный дискурс, вирусная меметичность, обманная коммуникация, диффамация, вербальные практики, коммуникативное воздействие.

Romanov A.A.
Tver State University
Tver, Russia

SIMULACRUM, FAKE, OR SIMILITUDE: FROM SPEECH ACTS TO VERBAL PRACTICES OF BENEFICIARY DISCOURSE

Abstract. The paper explores the phenomenon of fake reality as a special type of communicative reality shaped by simulacra, fake messages, and verbal practices of beneficiary discourse. Drawing on the works of E.F. Tarasov and the Tver linguistic school, the study addresses the borderline between factual and post-truth utterances as well as the functional and semantic distinctions between such notions as “fact”, “truth”, “lie”, “disinformation”, and “defamation”. The author shows how viral memeticity, emotional loading, and the deliberate staging of communicative practices create cognitive traps for the addressee and foster the acceptance of fake reality as genuine.

Keywords: simulacrum, fake, post-truth, fake reality, beneficiary discourse, viral memeticity, deceptive communication, defamation, verbal practices, communicative influence.

Памяти Е.Ф. Тарасова – отечественного
лингвиста, учёного, переводчика и
замечательного человека посвящается

Задача предлагаемой статьи / размышлений не сводится к пересказу или оценке идейного наследия отечественного лингвиста Евгения Фёдоровича Тарасова, одного из основателей – наряду с А.А. Леонтьевым, Ю.А. Сорокиным, Н.В. Уфимцевой и А.М. Шахнаровичем – группы отечественной психолингвистики в Институте языкознания АН СССР, специалиста в области перевода, теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики и лингвофилософии, организатора многочисленных симпозиумов и конференций в нашей стране, а представляет собой взгляд на ряд актуальных в современной когнитивистике вопросов сквозь призму наших личных и научных контактов с Е.Ф. Тарасовым.

Наше знакомство состоялось в 1982 году, когда Е.Ф. Тарасов любезно согласился выступить официальным оппонентом по моей кандидатской диссертации на тему «Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб», которая была защищена в том же году в Калининском (ныне – Тверском) государственном университете. С тех пор наши научные и личные контакты не прерывались и выдержали испытание временем на протяжении сорока с лишним лет. Особо плодотворным периодом в плане научного сотрудничества следует признать период нашего совместного сотрудничества в редакции электронного научного журнала «Мир лингвистики и коммуникации» (www tverlingua.ru), в которой Е.Ф. Тарасов курировал более 12 лет работу интегративно-научного направления, связанного с проблемами лингвокогнитологии, психолингвистики, лингвофилософии и теории речевой деятельности.

Уместно заметить, что проблемы когнитивной лингвистики, в широком смысле этого термина как составной части глобальной интегративно- исследовательской программы под названием «когнитивные науки», занимали в течение полувека особое место в научном творчестве Е.Ф. Тарасова [см.: Тарасов, 1983; 1985; 2021; см. также: Мыскин, Тарасов, 2023; 2024; Мыскин, Тарасов, Пильгун, 2020; Нистратов, Ощепкова, Тарасов, 2020; Тарасов А.Е., Тарасов Е.Ф., 2020].

В последнее время исследователь активно работал в купе со своими учениками над проблемой функционального разнообразия текстов, реализующих свои свойства в условиях цифровых технологий [Мыскин, Тарасов, 2023; 2024]. Было подмечено, что в цифровую и дистанционную эпоху происходит трансформация механизмов смыслового восприятия текстов в коммуникативном общении [Тарасов, Тарасов, 2020; Мыскин, Тарасов, 2024: 44]. Такая ситуация общения требует от коммуникантов формулировать мысль так, чтобы смысл не изменялся до момента получения результата совместной деятельности [Мыскин, Тарасов, 2023; 2024].

В этом контексте представляет значительный интерес проблема разграничения правдивых (истинных, фактуальных) сообщений от постправдивых или фейковых посланий (item: высказываний, языковых vs коммуникативных действий, дискурсивных практик), которая достаточна сложна и упирается в *проблемное поле* прагматико-оценочных и функционально-семантических разграничений таких понятий как «факт», «реальность», «вера» (в) и «доверие» (к), а также понятий «доксы», «истины», «лжи / обмана», «дезинформации» и «диффамации».

Следует принять во внимание, что на этом поле сломано достаточно копий между представителями различных научных направлений в философии, логике, журналистике, коммуникативистике, лингвистике, психологии, лингвокогнитологии, психолингвистики, риторики и неориторики. Сюда же следует отнести и «*доксологию*» как одну из

разновидностей коллективной эпистемологии, социологии, затрагивающую комплексную проблематику знания, типов знаний, соотнесённости знания с реальностью, его соответствие этой реальности, истинности и содержательности форм типов знаний и оперированием ими в соответствующих областях научных изысканий [ср.: Андреева, 1988: 155–169; Бехтерев, 1991: 189–215; Летов, 2012; Розенгрен, 2012; Романов, Романова, 2018; Субботский, 2022; Becker, 2002].

В работах, посвященных описанию регулятивного механизма распространения и внедрения «вирусных» или «фейковых коммуникативных практик», неоднократно отмечалось, что масштаб и интенсивность выхода с помощью цифровых технологий на авансцену массива сфабрикованного информационного воздействия на массового адресата прямо или косвенно создаёт проблемы искажения передаваемой информации и веры людей в эту искаженную и постправдивую информацию. Понятно, что цель такого воздействия сводится к тому, чтобы достичь абсолютного влияния (т.е. глобального – и психологического, и физического – доминирования) над коллективным адресатом или отдельной личностью и тем самым добиться у них изменения сознания в пользу интересах тех субъектов или «режиссеров», организующих такое «вирусное» или «фейковое» информационное воздействие [Романов, 1988; 2002; 2020; Романов, Романова 2017; 2020; 2024].

В этих обстоятельствах приобретают особую значимость и важность оценки наличия и возможностей потенциала функционально-деструктивного и дезруптивного влияния при помощи разработанных и внедрённых в информационное пространство коммуникативно-дискурсивных технологий, средств и практик, «мимикрирующих» (подстраивающихся, подделывающихся) под конкретный типаж или объект коммуникативного воздействия с целенаправленными приёмами, техниками и подходами для выработки

вербо-логико-психологических «ловушек сознания» человека в виде образования словесного каскада «информационных меметико-регулятивных или вирусно-реплицирующих структур» [Романов 2002: 59–66; Романов, Романова 2017: 8–10; 2024; ср. также: Андреева 1988: 155–169; Бехтерев 1991: 189–215; 1994: 118–131, 155–191; Малышева 2023; 2024].

Попадая под влияние таких искусных «ловушек», человек автоматически (иррационально, не подвергая критике, без соответствующих «фильтров») принимает решение действовать не на основании своего личного знания о содержании получаемой информации, а с опорой на то, что такие действия, по его мнению и разумению, могут также повторять или делать и другие люди, принимая их за привычно-игровые ритуальные действия [Романов 1988: 69–73; 2002: 62–64; 2020: 88–93; Романов, Романова, Федосеева, 2013].

Очевидно, что человека, попавшего под такое влияние, нацеливают на создание иных (других, контрарно конкурирующих, противоположных или даже противоправных) систем коммуникативных практик массовой – в том числе и сетевой («свободной») – коммуникации, чтобы он своими действиями (или своим поведением) оказывал определённое влияние на систему рассуждений и убеждений другого человека или на коллектив людей.

Такое воздействующее влияние осуществляется посредством подаваемых (специально созданных, «срежиссированных», «сконструированных», подсказанных) ему через инфраструктуру уже существующих или вновь создаваемых информационных источников (платформ) тех или иных ложных «фактов», псевдофактов, «мифологических историй» или симулякров в виде «фейкньюз» и всевозможных посланий уровня «хайли лайкли», которые из-за своей многозначности, семантической расплывчатости или «скользящей референтности» могут получать самые разные прочтения и интерпретации – вплоть до диаметрально противоположных [Романов 2002; Романов, Романова 2017; 2020; 2024].

В объёме заявленной проблематики уместно заметить, что в работах представителей Тверской лингвистической школы «Динамической модели регулятивной коммуникации» в течение целого ряда лет ведутся исследования в области постправдивой, фейковой, обманной коммуникации, направленные на выявление формирования и подачи типов, видов и подвидов искажённой информации, таких как диффамация, «красивые слова», «эвфемизмы», пост-правда, фейковые сообщения. К их числу относятся также коммуникативные послания, содержащие откровенную ложь, спрятанную за «хайли лайкли» и подаваемую потребителю в качестве истинной и правдивой информации, типичного и обыденного обмана, фантазийных россказней, «историко-мифотворческих» описаний и абсурдных вымыслов. Ряд работ представителей названной научной школы посвящён попыткам описать *чем* и *насколько* коммуникативно-дискурсивные практики с искажённой информацией *отличаются*, с точки зрения воздействия и передачи их смыслового объёма, от правдивой (фактуальной, настоящей, действительной) или полуправдивой (искажённой, недовысказанной, специально утаённой, спиндокторинговой) информации.

Не вдаваясь в детали, можно назвать сложившийся и существующий в настоящее время коммуникативный массив обманных посланий-практик, циркулирующих в глобальном информационном пространстве, одним условным, но достаточно популярным сегодня в информационной среде словосочетанием – «фейкореальность» (также – «фейковая реальность»).

«Фейкореальность» суть такая реальность, которая «*хочет казаться*» настоящей реальностью, но на самом деле таковой не является. Она только «притворяется» быть реальностью и «рядится» (маскируется) под неё по каким-то отдельным, пусть даже и характерным (или «псевдореферентным») признакам. Очевидно, что у такой реальности отсутствует область конкретной референции, которая (область) есть у той, действительно

реальной ситуации, под которую фейковая реальность подстраивается или «рядится» [ср.: Кастельс 2016; Розенгрен 2012; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Романова 2020; Субботский 2022].

Таким примером льстиво-обманных, лживых посланий, которые создают для вороны как адресата фейкореальность её способностей петь и быть «при красоте такой … царь-птицей» может служить фрагмент басни:

Вдруг сырный дух Лису остановил: Лисица видит сыр. Лисицу сыр пленил. Плутовка к дереву на цыпочках подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«*Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки!*
Рассказывать, так право, сказки!
Какие пёрышки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, –
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, –
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло…
(И.А. Крылов. Ворона и лисица)

Становится понятным, что фейкореальность (фейковая реальность) суть такая реальность, которая не является тем, за кого себя выдает или тем, чем себя и экспонирует (выставляет напоказ), и презентирует (подаёт себя) одномоментно. При этом, однако, может возникнуть существенная неопределённость, которая заключается в том, что такую реальность можно также считать как просто «обманной»: см. термин – «обманная

коммуникация» в [Романов 1988: 58–63; 2002: 41–66; ср.: Becker 2002: 35]), так и «поддельной» («подделкой»), «льстивой», «фальшивой» («фальшивкой») реальностью, которая также искусственно создана, «срежиссирована», преднамеренно сконструирована и в таком виде передаётся или подаётся адресату-потребителю. Иначе говоря, в такой коммуникации передаётся ***не та*** информация, **за** *которую* она *себя* выдаёт. [ср.: Субботский, 2022].

В этих обстоятельствах сложно не принять во внимание тот факт, что ряд исследователей сходятся во мнении, полагая, что практически «любая коммуникация является частично обманной» [Becker, 2002: 35]. Как полагает Конрад Беккер, «обманная коммуникация может иметь много форм и выполнять различные задачи. Умолчание, преувеличение, двусмысленность, полуправда, ложное направление, притворство (или ирония, опирающаяся на сходные лингвистические модели) – ***все*** могут рассматриваться как виды обманной коммуникации». Кроме того, механизмы притворства могут даже присутствовать в ряде других ментальных процессах, таких, как «опровержение фактов или атрибуция в практике телепатии. В то время как намеренно обманная коммуникация безусловно преследует цель утаивания, непреднамеренно обманная коммуникация происходит вследствие ряда факторов, основанных на отсутствии контекста или на двусмысленности, вытекающей из смущения и недопонимания» [Becker 2002: 33–34; см. также: Романов 1988: 103–114; 2020: 74–83].

Очевидно, что отмеченная разброс трактовок фейковых сообщений vs фейковых практик, образующих фейкореальность, раскрывает масштабность проблем, связанных не только с разработкой критериев выявления и распознавания фейковой природы коммуникативных практик (сообщений), но и факторов, нацеленных *на построение* функционально-семантической (прагматической) *типологии фейковых практик*, которые вписывались бы в более значимый по объёму класс «вирусно-меметических,

коммуникативно-дискурсивных проявлений или дискурсивных практик, принадлежащих сфере информационно-вербального воздействия на консциентальное пространство («вместилище») ментальных репрезентаций любого – как единичного, так и массового – адресата» [Романов, Романова, 2020: 443–445]. Становится ясным и то, что отсутствие критериев разграничения типовых сообщений, уходящих или удалённых напрочь от фактуальной реальности (то есть референтной соотнесённости), требует более тщательной проработки и поиска дополнительных функционально-семантических критериев, направленных на их разграничение и типологизацию как в структурном, функционально-семантическом, так и лингвопрагматическом аспектах.

Вместе с тем, в процессе поиска дополнительных критериев коммуникативно-семиотической и когнитивной сущности фейковых посланий, целесообразно не упускать из вида то обстоятельство, что отмеченная выше функциональная эффективность фейковых сообщений (посланий, сообщений, практик или просто фейков) основывается на их способности ***хорошо подстраиваться***, ***имитировать*** или ***симулировать*** (подделываться под) реальные, конкретные сообщения и подавать себя («рядиться») в качестве таковых, реально существующих и правдоподобных посланий. Обозначенная подстройка является результативной потому, что фейки эксплуатируют фальшивые, но выдающие себя за реальные, истинные или правдивые сообщения, которые обладают свойствами «вирусной меметичности».

Иначе говоря, «вирусная меметичность» фейков способна стимулировать другим. сходным в конструктивном плане сообщениям, порождение свойств каузальной (т.е. обусловливающей, причиняющей) навязчивости и привязчивости, «прошивать насквозь сознание человека». Помимо этого, подстраиваясь под известную и уже принятую (закреплённую) языком ментальной репрезентации схему, меметика фейков обладает также

способностью генерировать свойства *магнетизирующей аттрактивности*, то есть придавать силу, притягивающую к себе внимание, пробуждающую любопытство и интерес.

И такой механизм, стимулирующий генерацию меметических свойств фейкореальности, дополнительно окрашен эмоционально. При реакции на соответствующий стимул-сообщение перечисленные свойства ускоряют порождение «когнитивно-эмотивных мерностей» эмоционального состояния адресата-участника. К ним можно отнести такие свойства, как волнение, беспокойство, презрение, гнев, подавленность, разочарование, радость, лёгкость, беззаботность, потерю контроля над собственными действиями, которые влияют на сознание человека, делая его крайне уязвимым [Романов 2011; 2016].

Представленные в своей совокупности эти и другие факторные свойства (или свойства-факторы) создают такую коммуникативно-социальную ситуацию дискурсивной реальности, когда ***доминирующим фактором*** в ней становится ***апелляция*** к «личным убеждениям, личным эмоциям, личным верованиям, личному доверию власти, медиа, авторитетам шоу-бизнеса и т.п.», когда личные убеждения, предпочтения и ожидания, а также личные эмоции, *Я*-модальность личности рассматриваются (принимаются) адресатом (получателем, реципиентом) в качестве коммуникативно-справедливого ***мерила правды***, воздействуют на его (т.е. адресата или получателя) консциентальную сферу ***эффективнее***, ***чем*** ссылки на объективные факты или общеизвестные научные постулаты. При этом такие мерности (мерила) правды активно участвуют в формировании у получателя своей особой, *образно-фейковой* «картины мира» [Романов 2011; Романов, Романова, Морозова 2015; Романов, Романова 2018].

В связи с этим нельзя не согласиться с утверждениями нейробиологов о том, что «человеческое поведение определяет не разум, а эмоциональные

процессы в старейших, первобытных участках структуры мозга» и что «именно они (т.е. эмоциональные процессы – А.Р., Л.Р.) влияют на сознательное восприятие окружающего мира. <…> Человек воспринимает информацию избирательно, в зависимости от типа эмоциональной системы. <…> Человек воспринимает только то, что ему интересно на эмоциональном уровне, противопоставляя удовольствие боли, похвалу – наказанию, выигрыш – проигрышу, ощущение «нравится» – ощущению «не нравится». … Все «сознательно» проживаемое сначала эмоционально окрашивается и оценивается на подсознательном уровне. <…> Эмоция является двигателем разума. Эмоции решают, что и как мы воспринимаем. <…> Эмоция – это правда»» [Traindl 2007: 11–12, 16–18, 26–27].

Подытоживая свои рассуждения, основанные на теоретических и практических разработках, Арндт Трайндл отмечает: «Ничто не проходит на уровень разума (сознания), пока не пройдет эмоциональную оценку» [Traindl 2007: 36]. Сказанное даёт основание полагать, что *эмотивный фактор* оказывает влияние не только на консциентальную сферу человека, но и на *выбор форм* его *поведения в мире*. Другими словами, не только рациональная реальность полученного через вербальные конструкции знания определяет оценку, значимость и важность интерпретации полученных сообщений, но и *эмотивная образность* играет при этом свою важную, – если только не доминирующую, – роль как в самих когнитивных процессах, так и в регулятивных процессах поведения человека в мире.

Таким образом, созданные при помощи эмотивных дискурсивных практик факторы образности (образы) способны нивелировать систему сложившихся убеждений человека и действовать на него значительно сильнее, чем рефлексивное понимание им реальности. Вероятнее всего, в этом и кроется успешность распространения вирусной меметичности, позволяющей человеку принимать фейковую реальность за настоящую.

Примем во внимание, что факторы эмоционального влияния способны не только нивелировать или даже отключать любое иное понимание и осмысление фактуальности (действительной реальности) как экзистенциального факта, но и способствовать также возможности осуществлять верификационную проверку на «истинность – ложность» распространяемых коммуникативных практик (сообщений, посланий). Выявление включённости этого фактора в социально - политическую практику различных сценариев жизни в современном глобальном мире может послужить отправной точкой для поиска и определения сигналов-указателей, способных констатировать возможность проявления в семантическом объёме языковых посланий размытости веры в сам факт, утраты доверия к ссылкам на факт и фиксации скептической оценки его (т.е. содержания) правдивости.

Уместно подчеркнуть ещё раз, что формирующийся или уже сформированный фактор эмоциональности (т.е. эмоциональной образности) способен настолько быстро проникать в матричную форму поведения человека, что потребуется употребить не только крайне убедительные аргументы, но и потратить значительное время для того, чтобы человек, захваченный фейковой эмоциональностью, поверил в авторитетное опровержение адресованных ему фейковых сообщений. Понятно также, что фейки или постправдивые сообщения эксплуатируют экзистенциональную матричные (паттерновые) формы языковых сообщений и, реплицируя (тиражируя, повторяя) себя, размещаются в устойчивых стереотипах привычного поведения, в устойчивых лекалах жизнедеятельности, а также в социальных предрассудках и даже в закреплённых типажах имиджевых форматов или сконструированных «вербальных мифах личности человека» [подробнее о «вирусной меметичности» и «вербальном мифе личности» см.: Романов 2011; 2016; Романов, Черепанова 1998: 112–179].

Очевидно, что общее понимание постправдивых или «фейковых» сообщений (вербально - коммуникативных практик, информационных посланий) можно свести к следующему заключению: ***фейковое сообщение*** (item: фейковая дискурсивная, коммуникативная практика) трактуется как сообщение, функционально-семантическое содержание которого

либо совсем не опирается на референтную фактуальность (т.е. оно является или сконструированным, выдуманным коммуникативным продуктом вербальной дискурсии или «срежиссированным» информационно - коммуникативным продуктом бенефициарного мифо- и миротворчества вербальных технологий),

либо не связано с ним по причине различных – в том числе – и «осознанных», «бенефициарных», «срежиссированных» отклонений в виде подмены, рассогласований, ухода, неразличения, нивелирования и преднамеренной диффамации [подробнее см.: Романов 1988: 69–92; 2002: 58–66; 2020: 88–118].

Важно иметь в виду, что очерченный выше лимологический абрис дефиниции фейкового сообщения не претендует на исчерпывающую полноту понятия «фейк» как популярного в медиасреде и социо-коммуникативном пространстве феномена. Приведённая трактовка сущности фейкового сообщения лишь в некоторой степени свидетельствует о попытке перевести внимание исследователей на коммуникативно-функциональные (прагма-целевые) и содержательные аспекты усреднённого понимания «фейковости», которые (аспекты) не учитываются разработчиками тех или иных типологий фейковых сообщений.

В этой связи уместно констатировать, что существует значительное количество подходов к анализу фейковых сообщений, в которых исследователи предлагают не только разнообразные определения самого феномена «фейк», но и примерные типологии фейковых сообщений. Примечательно, что в предложенных типологиях фейковых сообщений

авторы чаще всего исходят из стратегии борьбы с фейками и опираются, прежде всего, на те существенные факторы, которые обусловлены технологиями распознавания фейковых посланий и продиктованы приёмами борьбы с распространением «постправдивых», ложных, сфабрикованных или «срежиссированных» сообщений.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что ряд исследователей не причисляет *ошибочную информацию* («misinformation») к разряду фейков [Becker 2002: 35]. Больше того, в ряде работ даже предлагается подходить к определению фейковых посланий не с позиции их создателя и отправителя (распространителя) конкретных фейковых сообщений, а только с позиции потребителей информационных потоков, в которые потребители всё равно включаются непроизвольным образом и участвуют в распространении заранее «сконструированных» сообщений, новостей, репортажей, то есть они уже поневоле становятся репродуцентами таких постправдивых сообщений [ср.: Кастельс 2016; Романов, Романова 2017; 2018; 2020; 2024].

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1988. – 432 с.

2. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. Монография. – М.: Наука, 1991. – 480 с.

3. *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. Монография. – М.: Наука, 1994. – 400 с.

4. *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

5. *Летов О.В.* Проблема научной объективности в постпозитивистской философии // Вопросы философии. – 2012, № 12. – С. 57–62.

6. *Малышева Е.В.* Медийный контент как фактор формирования инфосферы общества // Трансформация медицинского образования в цифровую эпоху: материалы IV Общероссийской конференции с международным участием «Неделя медицинского образования – 2023» (Москва, 3–7 апреля 2023 года). – М.: Сеченовский ун-т, 2023. – С. 411.

7. *Малышева Е.В.* Специфика формирования «вирусного» контента сетевой коммуникации // Современная филологическая наука: достижения и инновации: сборник материалов Международного симпозиума. Иваново, 23-25 мая 2024 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. – С. 296–304.

8. *Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф.* К постановке проблемы патогенного текста // Материалы международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти XXI века: Тенденции, итоги и перспективы (г. Тверь, 12-13 октября 2023 г.). Отв. ред. А.А. Романов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2023. – С. 306–309.

9. *Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф.* Концепция паталогии языковой личности // Лингвистика первой четверти XXI века: Тенденции, итоги и перспективы: коллективная монография. Под ред. А.А. Романова. – М.: ФЛИНТА, 2024. – 43–56.

10. *Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф., Пильгун М.А.* Методы контент-анализа инновационного потенциала научных текстов педагогической и психолого-педагогической направленности [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 1–20. Режим доступа: http://www.tverlingua.ru (дата обращения 25.11.2025).

11. *Нистратов А.А., Ощепкова Е.С., Тарасов Е.Ф.* Феноменология восприятия речевых сообщений [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 3. – С.1–22. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.11.2025).

12. *Розенгрен М. К* вопросу о doxa: эпистемология «новой риторики» // Вопросы философии. – 2012, № 6. – С. 63–72.

13. *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Монография. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

14. *Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. Монография. – Тверь: Фамилия, 1995. – 240 с. с. 156–163.

15. *Романов А.А.* Политическая лингвистика. Монография. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверской гос. ун-т, 2002. – 191 с.

16. *Романов А.А.* Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011, № 2. – С. 66–71. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения 24.11.2025).

17. *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения “вирусной” информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4 (42). – С. 1–35. Режим доступа: www.tverlingua.ru; (дата обращения 4.11.2025).

18. *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 264 с.

19. *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 3. – С. 1–39. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения 22.11.2025).

20. *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия и контрдискурсия в консциентальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве:

материалы Междунар. научн.-практ. конф. – М.: Изд-во «Перо»; Саратов: Амирант, 2018. – С. 284–289.

21. *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейк vs факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени: Сб. научн. тр. по материалам Междунар. научн.-практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 441–446.

22. *Романов А.А., Романова Л.А.* Агональная эристика политической рэп-дискурсии: типовые разновидности, функции и сущностные характеристики. Монография. – М.: ФЛИНТА, 2024. – 360 с.

23. *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII Междунар. Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научн. докл. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287.

24. *Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г.* Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 241с.

25. *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Монография. – Тверь: ГЕРС, 1998. – 205 с.

26. *Субботский Е.В.* Разум в паутине: магическая манипуляция сознанием и противодействие ей // Психологическая газета. 18.08.2022 г.

27. *Тарасов Е.Ф.* Речевое воздействие: достижения и перспективы исследования // Язык как средство идеологического воздействия. – М.: ИНИОН, 1983. – 11–26.

28. *Тарасов Е.Ф.* Предисловие // Исследование речевого мышления в психолингвистике: коллективная монография. Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – С. 4–7.

29. *Тарасов А.Е., Тарасов Е.Ф.* Удалённая работа в коронавирусную эпоху: история, проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 4. – С. 238–266. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.11.2025).

30. *Тарасов Е.Ф.* Теория речевой деятельности и когнитивная лингвистика: опыт сопоставления // Дискурс в социокультурном пространстве: Коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации: сб. научн. трудов к юбилею проф. А.А. Романова. – М.: ФЛИНТА, 2021. – С. 125–132.

31. *Becker K*. Tactical Reality Dictionary. Cultural Intelligence and Social Control, – Vienna: Selene, 2002. – 128 p.

32. *Traindl A*. Neuromarketing. Die innovative Visualisierung von Emotionen. –Wien: Trauner Verlag, 2007. – 128 S.

References

1. *Andreeva G.M.* Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Textbook. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 432 p.

2. *Bekhterev V.M.* Ob"ektivnaya psikhologiya [Objective psychology]. Monograph. Moscow: Nauka, 1991. 480 p.

3. *Bekhterev V.M.* Izbrannye raboty po sotsial'noi psikhologii [Selected works on social psychology]. Monograph. Moscow: Nauka, 1994. 400 p.

4. *Kastel's M.* Vlast' kommunikatsii [Communication power]. Textbook. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2016. 564 p.

5. *Letov O.V.* Problema nauchnoi ob"ektivnosti v postpozitivistskoi filosofii [The problem of scientific objectivity in post-positivist philosophy]. Voprosy filosofii, 2012, no. 12, pp. 57–62.

6. *Malysheva E.V.* Mediinyi kontent kak faktor formirovaniya infosfery obshchestva [Media content as a factor in forming the information sphere of society]. In: Transformatsiya meditsinskogo obrazovaniya v tsifrovuyu epokhu: materialy IV Obshcherossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Nedelya meditsinskogo obrazovaniya – 2023» (Moscow, 3–7 April 2023). Moscow: Sechenov University, 2023, p. 411.

7. *Malysheva E.V.* Spetsifika formirovaniya «virusnogo» kontenta setevoi kommunikatsii [Specifics of forming "viral" content in network communication]. In: Sovremennaya filologicheskaya nauka: dostizheniya i innovatsii: sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma, Ivanovo, 23–25 May 2024. Ivanovo: Ivanovo State University, 2024, pp. 296–304.

8. *Myskyn S.V., Tarasov E.F.* K postanovke problemy patogennogo teksta [On posing the problem of a pathogenic text]. In: Lingvistika pervoi chetverti XXI veka: tendentsii, itogi i perspektivy: materialy mezhdunar. mezhdistsipl. nauch. konf. (Tver', 12–13 October 2023). Ed. by A.A. Romanov. Tver': Tver State University, 2023, pp. 306–309.

9. *Myskyn S.V., Tarasov E.F.* Kontseptsiya patologii yazykovoi lichnosti [The concept of pathology of linguistic personality]. In: Lingvistika pervoi chetverti XXI veka: tendentsii, itogi i perspektivy: kollektivnaya monografiya. Ed. by A.A. Romanov. Moscow: FLINTA, 2024, pp. 43–56.

10. *Myskyn S.V., Tarasov E.F., Pil'gun M.A.* Metody kontent-analiza innovatsionnogo potentsiala nauchnykh tekstov pedagogicheskoi i psikhologo-pedagogicheskoi napravlennosti [Methods of content analysis of the innovation potential of scientific texts in pedagogy and educational psychology]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2020, no. 2, pp. 1–20. Available at: http://www.tverlingua.ru (accessed 25.11.2025).

11. *Nistratov A.A., Oshchepkova E.S., Tarasov E.F.* Fenomenologiya vospriyatiya rechevykh soobshchenii [Phenomenology of speech message

perception]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2020, no. 3, pp. 1–22. Available at: http://www.tverlingua.ru (accessed 23.11.2025).

12. *Rosengren M.* K voprosu o doxa: epistemologiya «novoi ritoriki» [On the question of doxa: the epistemology of the "new rhetoric"]. Voprosy filosofii, 2012, no. 6, pp. 63–72.

13. *Romanov A.A.* Sistemnyi analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya [System analysis of regulatory means of dialogic communication]. Monograph. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences; Kalinin Agricultural Institute, 1988. 183 p.

14. *Romanov A.A.* Grammatika delovykh besed [Grammar of business conversations]. Monograph. Tver': Familiya, 1995. 240 p.

15. *Romanov A.A.* Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Monograph. Moscow – Tver': Institute of Linguistics RAS; Tver State University, 2002. 191 p.

16. *Romanov A.A.* Memezis performativnogo znaniya o funktsionirovanii estestvenno-yazykovykh praktik [Mimesis of performative knowledge about the functioning of natural-language practices]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2011, no. 2, pp. 66–71. Available at: http://www.tverlingua.ru (accessed 24.11.2025).

17. *Romanov A.A.* «Okno diskursa» kak regulyativnyi mekhanizm rasprostraneniya i vnedreniya "virusnoi" informatsii: dva podkhoda k probleme ["Discourse window" as a regulatory mechanism for spreading and implementing "viral" information: two approaches to the problem]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2016, no. 4 (42), pp. 1–35. Available at: http://www.tverlingua.ru (accessed 04.11.2025).

18. *Romanov A.A.* Lingvopragmaticheskaya model' rechevogo upravleniya dialogom: sistemnyi analiz s primerami iz russkogo i nemetskogo yazykov

[Linguo-pragmatic model of speech control of dialogue: a system analysis with examples from Russian and German]. Moscow: LENAND, 2020. 264 p.

19. *Romanov A.A., Romanova L.A.* Funktsional'naya spetsifika «veernogo sdviga» okna diskursa v informatsionno-konsciential'noi kampanii [Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in an informational-consciental campaign]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2017, no. 3, pp. 1–39. Available at: http://www.tverlingua.ru (accessed 22.11.2025).

20. *Romanov A.A., Romanova L.A*. Feikovaia diskursiya i kontrdiskursiya v konsciential'nom protivostoyanii [Fake discourse and counter-discourse in consciental confrontation]. In: Russkii yazyk i literatura v professional'noi kommunikatsii i mul'tikul'turnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Moscow: Pero; Saratov: Amiran, 2018, pp. 284–289.

21. *Romanov A.A., Romanova L.A.* Feik vs fakt v informatsionnoi bor'be za reputatsionnyi kapital [Fake vs fact in the information struggle for reputational capital]. In: Tsifrovizatsiya v APK: tekhnologicheskie resursy, novye vozmozhnosti i vyzovy vremeni: sb. nauch. trudov po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (11–13 February 2020). Tver': Tver State Agricultural Academy, 2020, pp. 441–446.

22. *Romanov A.A., Romanova L.A*. Agonal'naya eristika politicheskoi rep-diskursii: tipovye raznovidnosti, funktsii i sushchnostnye kharakteristiki [Agonal eristics of political rap discourse: typical varieties, functions and essential characteristics]. Monograph. Moscow: FLINTA, 2024. 360 p.

23. *Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N.* Konstruirovanie mediinykh smyslov informatsionnogo protivostoyaniya [Constructing media meanings of information confrontation]. In: Funktsional'naya lingvistika: VII Mezhdunar. Krymskii lingvisticheskii kongress «Yazyk i mir» (Yalta, 5–8 October 2015): sb. nauch. dokl. Simferopol': Forma, 2015, pp. 284–287.

24. *Romanov A.A., Romanova L.A., Fedoseeva E.G.* Performativnye ritual'nye akty sakral'noi kommunikatsii [Performative ritual acts of sacred communication].

Monograph. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy, 2013. 241 p.

25. *Romanov A.A., Cherepanova I.Yu*. Yazykovaya suggestiya v predvybornoi kommunikatsii [Linguistic suggestion in pre-election communication]. Monograph. Tver': GERS, 1998. 205 p.

26. *Subbotskii E.V.* Razum v pautine: magicheskaya manipulyatsiya soznaniem i protivodeistvie ei [Mind in the web: magical manipulation of consciousness and counteraction to it]. Psikhologicheskaya gazeta, 18.08.2022. Available at: https://psy.su/feed/10239/ (accessed 18.08.2025).

27. *Tarasov E.F*. Rechevoe vozdeistvie: dostizheniya i perspektivy issledovaniya [Speech influence: achievements and research prospects]. In: Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeistviya. Moscow: INION, 1983, pp. 11–26.

28. *Tarasov E.F.* Predislovie [Foreword]. In: Issledovanie rechevogo myshleniya v psikholingvistike: kollektivnaya monografiya. Ed. by E.F. Tarasov. Moscow: Nauka, 1985, pp. 4–7.

29. *Tarasov A.E., Tarasov E.F*. Udalennaya rabota v koronavirusnuyu epokhu: istoriya, problemy i perspektivy [Remote work in the coronavirus era: history, problems and prospects]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2020, no. 4, pp. 238–266. Available at: http://www.tverlingua.ru (accessed 23.11.2025).

30. *Tarasov E.F.* Teoriya rechevoi deyatel'nosti i kognitivnaya lingvistika: opyt sopostavleniya [Theory of speech activity and cognitive linguistics: an attempt at comparison]. In: Diskurs v sotsiokul'turnom prostranstve: kommunikativnye mekhanizmy i mental'nye struktury ego reprezentatsii: sb. nauch. trudov k yubileyu prof. A.A. Romanova. Moscow: FLINTA, 2021, pp. 125–132.

31. *Becker K.* Tactical Reality Dictionary. Cultural Intelligence and Social Control. Vienna: Selene, 2002. 128 p.

32. *Traindl A.* Neuromarketing. Die innovative Visualisierung von Emotionen. Wien: Trauner Verlag, 2007. 128 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.11.2025 г.
Дата принятия статьи к публикации: 25.12.2025 г.

ОБ АВТОРАХ / ABOUT AUTHORS

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник образования РБ (2007), Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2015), доцент кафедры психологии развития личности Института педагогики и психологии МПГУ (Россия)

Дугаров Тумэн-Жаргал Цыренович, магистрант Московского политехнического университета (Россия)

Бадиев Игорь Валерьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и психологической психологии Бурятского государственного университета (Россия)

Желтухина Марина Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор РАО (отделение общего среднего образования РАО), академик РАЕН, директор, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Человек в коммуникации» Пятигорского государственного университета (Россия)

Спорова Ирина Петровна, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Московского университета имени А.С. Грибоедова (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, декан филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Гуня Филипп Алексеевич, аспирант Московского государственного лингвистического университета (Россия)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ / INFORMATION FOR AUTHORS

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Психологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): от 20 тыс. до 30 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт http://www.translit.ru);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ «(оригинальность текста не мене 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст стати и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — *И.И.*).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания.

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (*если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания*). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (*если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы*). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (*если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы*). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (е*сли книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой*).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц

должны соответствовать цифрам текста. Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlsx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуются рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименовании организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: http://orcid.org/), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация
Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научный работы.
1) Необходимо указать источники финансирования научной работы
2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.
3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ!
Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

Мыскин С.В.
док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

Харламова С.Г.
канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

Myskin S.V., Kharlamova S.G.

SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance

and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. *Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б.* Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. *Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B*. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издательство
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».
Тираж 500 экз.
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.
www.psycholinguistic.ru